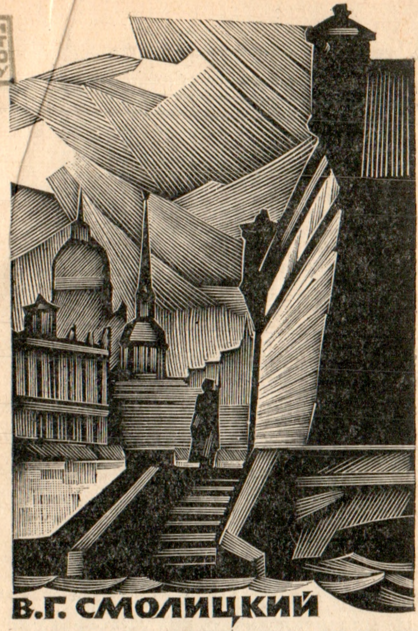
HABENT SUA FATA LIBELLI

КНИГИ ИМЕЮТ СВОЮ СУДЬБУ

В. Г. СМОЛИЦКИЙ

ИЗ РАВЕЛИНА

С тех пор, как завелись типографские станки в России и вплоть до нашего времени, ни одно печатное произведение не имело в России такого успеха, как «Что делать?».

Г. В. Плеханов

Поколения молодых революционеров воспитывались на примере героев «Что делать?» — Рахметова, Кирсанова, Лопухова и Веры Павловны — и очень часто буквально старались подражать личной твердости, выдержке, преданности делу революции и непримиримости к врагам — качествам, которые характеризуют героев Чернышевского.

Георгий Димитров

Роман «Что делать?» еще 35 лет тому назад оказал на меня лично, как молодого рабочего, делавшего тогда первые шаги в революционном движении в Болгарии, необычайно глубокое, неотразимое влияние.

Георгий Димитров

В. Г. СМОЛИЦКИЙ

ИЗ РАВЕЛИНА

О СУДЬБЕ РОМАНА Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО „ЧТО ДЕЛАТЬ?"

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КНИГА"

МОСКВА • 1968

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА
Г. Р. СМОЛИЦКОГО ПОСВЯЩАЮ.

002.3
С51

6-10
6-68

Хоть плотны высокие стены
ограды,
Железные крепки замки,
Хоть зорки и ночью тюремщиков
взгляды
И всюду сверкают штыки,
Хоть тихо внутри, но тюрьма
не кладбище,
И ты, часовой, не плошай:
Не верь тишине, берегися,
дружище:
«Слу-шай!...»

Из песни революционеров

19 МАРТА 1863 ГОДА ВЫШЕЛ В СВЕТ ОЧЕРЕДной, третий, номер журнала «Современник». Внешне он ничем не отличался от других номеров. Та же обложка серовато-голубого цвета, тот же титул «журнала литературного и политического, издаваемого Н. А. Некрасовым». Необычным было его содержание. Здесь печатались первые главы романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». В предыдущем номере журнала уже сообщалось, что роман находится в портфеле редакции. Читатель ждал его. Автор был известен как талантливый публицист и критик, как глава самой «радикальной партии». Но как романист он выступал впервые.

Ни для кого не было секретом, что роман написан в Петропавловской крепости, что автор и теперь находится в камере Алексеевского равелина, и это, несомненно, накладывало какой-то особенный отпечаток на весь номер журнала.

Он открывался сразу тем произведением,

которое все равно читатель отыскал бы в первую очередь:

ЧТО ДЕЛАТЬ?
Из рассказов о новых людях.
(Посвящается моему другу О. С. Ч.)*

В журнале были помещены сцены вступления и первые две главы, рассказывающие о жизни Веры Павловны в родительском доме, о том, как ей удалось вырваться из «сырого темного подвала». Глава вторая заканчивалась полным разрывом Верочки со старой жизнью, пошлой, глупой и жадной до денег. Дальнейшее повествование автор уже полностью посвятит изображению жизни новых людей. Поэтому в конце второй главы он прощался с представительницей старого мира в романе — матерью Веры Павловны Марьей Алексевной, которая переставала быть «важным действующим лицом»:

— Довольны ли вы, Марья Алексевна?

— Что, батюшка мой, мне быть довольной-то? Обстоятельства-то мои плоховаты?

Это и прекрасно, Марья Алексевна!

Не стоны узника, не жалобы его донеслись из мрачного каземата. Публика услыхала голос человека, уверенного в своей победе.

Все идет прекрасно: рассказы о н о в ы х людях не могут быть печальны.

Все идет прекрасно: пусть жалуется и грустит всероссийская Марья Алексевна, пусть о н а будет недовольна.

Все идет прекрасно, это е е, Марьи Алексевны обстоятельства плоховаты.

---

* Ольге Сократовне Чернышевской, жене писателя.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ.

(Посвящается моему другу О. С. Ч.).

I.

ДУРАКЪ.

По утру 11 іюля 1856 года, прислуга одной изъ большихъ петербургскихъ гостинницъ у станціи московской желѣзной дороги была въ недоумѣніи, отчасти даже въ тревогѣ. Наканунѣ, въ 9-мъ часу вечера, пріѣхалъ господинъ съ чемоданомъ, занялъ нумеръ, отдалъ для прописки свой паспортъ, спросилъ себѣ чаю и котлетку, сказалъ, чтобъ его не тревожили вечеромъ, потому что онъ усталъ и хочетъ спать, но чтобы завтра непремѣнно разбудили въ 8 часовъ, потому что у него есть спѣшныя дѣла, заперъ дверь нумера, и, пошумѣвъ ножемъ и вилкою, пошумѣвъ чайнымъ приборомъ, скоро притихъ, — видно, заснулъ. Пришло утро; въ 8 часовъ слуга постучался къ вчерашнему пріѣзжему — пріѣзжій не подаетъ голоса; слуга постучался сильнѣе, очень сильно — пріѣзжій все не откликается. Видно, крѣпко усталъ. Слуга подождалъ четверть часа, опять сталъ будить, опять не добудился. Сталъ совѣтоваться съ другими слугами, съ буфетчикомъ. — «Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?» — «Надо

«Современник». СПб., 1863, № 3, стр. 5.

Узник Петропавловской крепости не сомневался, что «дело кончится весело, с бокалами, с песнью». Автор пересказывал содержание одной из таких песен. «Мы бедны, — говорила песенка, — но мы рабочие люди, у нас здоровые руки. Мы темны, но мы не глупы и хотим света. Будем учиться — знание освободит нас; будем трудиться — труд обогатит нас, — это дело пойдет, — поживем, доживем...

...Труд без знания бесплоден, наше счастье невозможно без счастья других. Просветимся — и обогатимся; будем счастливы — и будем братья и сестры, — это дело пойдет, — поживем, доживем». Так по-своему передавал Чернышевский песню, рожденную улицей революционного Парижа:

Ca ira
Qui vivra, verra.

Она пришлась по сердцу революционной молодежи, и впоследствии жандармы не раз встречали ее в записных книжках и дневниках «бунтовщиков».

Помещенные в начале журнала первые главы романа давали общий светлый и приподнятый настрой всему номеру. Сразу после «Что делать?» шло стихотворение Некрасова «Зеленый шум», и в таком контексте оно воспринималось по-особенному значительно и символично:

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!..

Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом, новой зеленью

Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березынька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен...
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему...

Молодая и задорная энергия лучится из этого стихотворения. Все оно как бы до краев наполнено солнцем и огромной жаждой жизни с призывом: «люби, покуда любится». Эта песня *обновлению* в природе очень соответствовала рассказам о *новых* людях.

Далее эстафету принимал М. Е. Салтыков-Щедрин со своим сатирическим очерком «После обеда в гостях». Щедринская сатира била по жандармам, как бы продолжая мысль о плохих обстоятельствах «Марьи Алексевны». Теперь уже жаловался на свои дела «опричник» Семен Михайлович Булановский, которому поручены «контроль» и «надзор». Он очень беспокоится о своей будущей судьбе, его очень тревожит «либеральный» дух времени и слухи об уничтожении его службы. Но в то же время он убежден: «...в мундирах ли, без мундиров ли, но мы возродимся». Он уверен в этом, потому что «без системы, — по его мнению, — и одного дня пробыть невозможно». Эта неистребимость жандармского духа, несмотря ни на какие веяния времени, была тем более понятна читателю «Современника», что он только перед этим познакомился с романом, автор которого находится у жандармов в плену.

Судьба автора «Что делать?» неизменно должна была встать перед глазами читателя,

когда он знакомился с напечатанными здесь же стихами В. Буренина:

Вот пророки... Правды слово
Возвещалось их устами —
И они страдают в тюрьмах,
Истомленные цепями!

Мысль о Чернышевском возникала и при чтении стихов С. Дурова, вчерашнего петрашевца.

Кто стал, помимо вечных лжей,
Глашатым истины свободной —
Тот, в общем мненьи, враг людей,
Отступник веры, бич народный.

Но мрачные картины царской действительности, трагическая судьба лучших людей не могут восторжествовать над верой в будущее.

Но все же мы уляжемся в могилы,
С надеждою на будущность земли,
С сознанием, что есть в народе силы
Создать все то, чего мы не могли.
Что пали мы, как жертвы очищенья,
Взойдя на ту высокую ступень,
С которой видели начатки обновленья
И чуяли давно желанный день!..

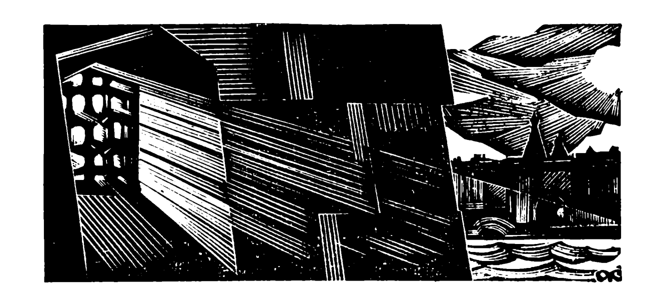
«Новый», «по-новому», «обновленье», — это были самые употребительные слова в книге журнала, открывавшегося «рассказами о новых людях».

Вот так выглядел номер «Современника» за март 1863 года. Он весь как бы дышал Чернышевским, жил им, его мыслями, идеями, его судьбою. Надолго станет он, вместе с № 4 и 5, где печаталось продолжение и окончание романа, одной из самых ходовых книг. Его будут передавать из рук в руки, читать на сходках сту-

дентов, гимназистов, изучать в революционных кружках... Герои «Что делать?» уйдут в жизнь. Им будут подражать, на них будут равняться.

И неотрывна от книги судьба ее автора. Силу и величие своей мысли писатель подтверждал личным примером. Проникаясь благородным пафосом идей романа, читатель все время будет помнить об условиях, в которых эта книга создавалась.

Повесть о ней должна начинаться с того дня, когда кончалась повседневность и начинался подвиг, потому что роман — составная часть этого подвига.

АРЕСТ

...В самый день моего отъезда ...должно было сделать несколько новых арестаций, между прочим, Серно-Соловьевича и Чернышевского... ...есть надежда, что мы, наконец, напали на настоящий источник всего зла. Да поможет нам Бог остановить дальнейшее его развитие.

Александр II — великому князю Константину Николаевичу. 13/25 июля 1862 г. Рига.

Повседневность и подвиг. В жизни Чернышевского очень трудно отделить одно от другого. Героичны были его будни, когда на протяжении 8 лет в условиях царской России в каждом номере журнала «Современник» он проповедовал идею необходимости крестьянской революции, идею необходимости подвига. Сам он давно был готов к нему. И теперь, когда надо было собрать все свои силы и «не уронить себя со стороны бодрости характера», поведение Чернышевского выглядело таким же обычным, как и все, что он делал в предыдущие годы.

Переломный момент своей жизни он встретил в халате. 7 июля 1862 года в зале своей петербургской квартиры он весело беседовал с журналистом М. А. Антоновичем и домашним врачом П. И. Боковым, близким другом семьи. Больше никого не было. Жена и дети в это время находились в Саратове.

В прихожей раздался звонок. В зал вошел приземистый офицер, лицо которого сразу не понравилось Антоновичу, и сказал, что ему необходимо поговорить наедине с господином Чернышевским.

— Пожалуйте ко мне в кабинет, — быстро проговорил Чернышевский и, не дожидаясь ответа, стремительно бросился вон из зала. Офицер оторопел от такого приема: «Где же, где же кабинет?». Но вскоре он уже освоился и повелительно закричал: «Где кабинет Чернышевского? Проводите меня туда».

Из передней вышел сопровождавший его пристав и показал, куда пройти.

Таким образом минуту или две Чернышевский находился в кабинете один. Может быть, это были очень важные для него минуты...

Антонович и Боков остались в зале. Пристав убеждал их уйти. Они зашли в кабинет попрощаться с хозяином, еще не зная, надолго ли. Николай Гаврилович высоко поднял руку и с размаху опустил ее в руку Антоновича. Боков и Антонович были последними из друзей, с кем он виделся на воле.

В пятом часу его уже выводили из дому, чтобы «доставить» в штаб корпуса жандармов. Провожали его обливавшаяся слезами служанка и двоюродный брат Ольги Сократовны офицер

Вениамин Иванович Рычков, живший у них на квартире. Чернышевский успел шепнуть Рычкову, чтобы он передал поклон Антоновичу и сказал ему, чтобы он не беспокоился и передал Николаю Утину, чтобы и тот не беспокоился.

Долго потом ломал Антонович голову над смыслом этих слов, но объяснить их не мог.

* * *

Несмотря на поздний, третий, час ночи, управляющий III отделением А. Л. Потапов[1] торопился донести шефу жандармов князю Долгорукову: «В городе, благодаря бога, все благополучно... арестования сделаны удачно... Чернышевский ожидал, взят здесь на своей квартире...». «Брал» Чернышевского полковник Ракеев. Это и был тот приземистый офицер, который так не понравился Антоновичу. Ракеев — лицо не новое в истории русской литературы. Двадцать пять лет назад ему было поручено сопровождать в последний путь гроб с телом Пушкина. Тогда тоже опасались беспорядков, но обошлось. Год назад, в сентябре 1861, он делал первый обыск у поэта М. Л. Михайлова.

А теперь литератор Чернышевский. Согласно рапорту Ракеев «имел честь представить» акт об обыске квартиры, запечатанные бумаги и самого г. Чернышевского.

В тот же день 7 июля, комендант Петропавловской крепости А. Ф. Сорокин доносил его императорскому величеству, что чиновник Чернышевский заключен в доме Алексеевского равелина в покое под № 11.

В КРЕПОСТИ

Ее [революционную агитацию] подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского и кончая героями «Народной воли». Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом. «Молодые штурманы будущей бури» — звал их Герцен.

В. И. Ленин. Памяти Герцена.

В тридцать четыре года назад еще не оглядываются. Тем более если человек здоров и полон творческих сил. Но если он лишен возможности действовать, работать, если даже движение его ограничено размерами камеры, то воспоминания приходят сами собой. И тогда тридцать четыре года оказываются тем возрастом, когда можно уже подвести некоторые итоги.

Он не мог похвастаться древностью своей родословной. Сведения о родственниках со стороны матери не шли дальше прадеда—священника Ивана Кирилловича, фамилия которого уже потерялась. Со стороны отца — он не знал даже точно, кем был его дед, дьяконом или дьячком. Известно только одно: звали его Иваном — если отец Гавриил Иванович.

И тем не менее, по рассказам бабушки, среди его предков были люди энергичные и мужественные, умевшие найти в себе твердость духа, решимость и силу характера, когда это им было необходимо.

Вспоминался один из родственников [2]. Охотясь на волков, он построил на лесной поляне небольшую бревенчатую избушку с маленькими амбразурами вместо окон. Привязав у этой засады гуся или поросенка, он ждал, когда на запах мяса прибегут голодные волки. Таким образом ему удавалось подстрелить за один раз трех-четырех хищников. Но однажды ему пришлось выдержать настоящий штурм целой стаи, около сотни волков. Охотник уложил их в большом количестве, но уцелевшие только свирепели от этого и сильнее рвались к укреплению. Терзали и жрали убитых и все яростнее «штурмовали» избушку. Волки сорвали доски с крыши, но бревна потолка были им не под силу. Пытаясь достать своего врага, они просовывали головы в щели бревен, заставив его сесть на пол и не подниматься. Осада длилась более суток, пока его не хватились в деревне. Спасение подошло тогда, когда охотник уже прощался с жизнью. У него вышел порох, и он вынужден был сидя отмахиваться от своры топором. Потом, по словам бабушки, охотник вспоминал: «Глаза были больно страшны, страшней воя, а и вой был страшный».

(Похоже, что и он в своей одиночке окружен врагами, как волками. И «его» «волки» тоже работают во всю — ищут улик.)

Вспоминался и другой его родственник, тоже по рассказам бабушки. Он был захвачен киргиз-кайсаками и продан в рабство. Чтобы он не убежал, ему «подрезали» пятки: на ногах сделали прорезы и запихали туда мелко изрезанный конский волос или свиную щетину. Когда раны зажили, пленник мог ступать только на носках, не

уходя, понятно, далеко. И тем не менее он решился бежать. Шел ночами, а днем лежал в траве. Часто топот конских копыт и говор преследователей раздавались совсем рядом. Слышал, как они кричали: «Видим! Видим!» — в надежде, что беглец не выдержит и попытается поменять свое положение. Вот тогда бы они действительно заметили его по колыханию травы. Но тот не поддался, выдержал все страхи, добрался до русских и вернулся домой.

(Не так ли и теперь «его» «ищейки» пытаются кричать: «Видим! Видим!» — изображая, что имеют в своих руках веские улики. Но у него крепкие нервы, такие же, как у того далекого родственника).

Родители. Его родители. О них он написал впоследствии: «Отец и мать! все панегирики ничто перед этими священными именами, все похвалы — пустота и ничтожность перед чувством сыновней любви и благодарности». Это они воспитали в нем честность, трудолюбие, любовь к книге, научили его любить и уважать людей.

Отец был его первым учителем. Он сам составил прописи для сына. Ученик по многу раз должен был переписывать в свою тетрадку: «Честный человек всеми любим». Отец был действительно честный человек. «Я более и более сознаю сходство между им и мною в хорошие моменты моей жизни...» — записал сын в дневнике еще в студенческие годы. Но теперь он не сказал бы так же уверенно, как в детстве, что честный человек всеми любим. Время сделало некоторые поправки.

Отец умер совсем недавно, всего несколько месяцев назад. («И хорошо сделал, что умер:

вовремя, а то слишком много было бы ему тревоги и горя».)

А мать умерла еще в 1853 году, так и не дождавшись ни его славы, ни его злоключений. Всегда она что-то делала по хозяйству, с утра до вечера. А отдыхала за книгой. Сына она любила горячо. Сохранилась икона, перед которой она молилась за него. Когда он уехал в Петербург учиться в университете, она сделала на обороте ее надпись: «Отче Аврааме, благослови в далекой стране детей наших, умоли господа дать им всякую помощь и избавить от всех зол, напастей и болезней. 1848 г. 27 ноября». Икона эта была копией картины Рембрандта «Жертвоприношение Авраама» — отец приносит в жертву своего сына...

Да. Он не мог похвастаться древностью и знатностью своего рода. Но в его жилах течет хорошая кровь. И наследство он получил хорошее — ум и трудолюбие, терпение и выдержку, силу воли и энергию, присутствие духа в самых трудных обстоятельствах — всего этого ему не занимать И все это очень пригодится ему теперь.

* * *

Среди близких ему он видел только добрых и хороших людей, но детские впечатления не ограничивались родным домом. За стенами дома начинался совершенно иной мир, безобразный, жестокий, не поддающийся законам разума.

Он родился и провел детство в Саратове. Этот город был не глуше любого другого губернского города России. Теперь, когда в его памяти возникают картины мира, окружавшего его

в детстве, в первую очередь из своего далеко не прекрасного далека он вспоминает дремучее невежество, дикое ханжество и не знающую никаких моральных преград страсть к деньгам, к наживе. Вспоминались случаи, как была разбита жизнь талантливого медика, полюбившего крепостную девушку, как саратовский губернатор обокрал сироту, как один богатый «праведник» — жестокий тиран своей жены — отправился вместе с ней на богомолье в Киев — сам сидит, а жену гонит с телеги: «Слезай, лошади тяжело, ступай пешком». — «Матвей Иванович, — взмолилась бедная женщина, — ты в сапогах, да и то не слезаешь, а я в башмаках как буду итти по такой грязи?» — «Мне, подлячка, можно сидеть, на мне грехов нет, а тебе надо пешком идти, чтобы усердием этим искупить свои грехи»... Тяжелое положение русской женщины — этот вопрос всегда волновал его. Немало страниц отведет он его решению в своем романе.

Вспоминались ему картины и совершенно другого характера. Кулачный бой на Волге. Это опьянение, это восторг! «И сердце бьется, и кровь кипит, и сам чувствуешь, что твои глаза сверкают». Участники этих боев — люди отважные, бесстрашные, некоторые — герои в полном смысле этого слова. Но только завидев полицейского с будочниками, бойцы бегут прочь, как зайцы. А ведь если бы хоть один из бегущих слегка нахмурил брови и сказал: «Назад!» — ни полицейский, ни будочники не смели бы и подойти, потому что он один может разбросать их всех движением руки. И тем не менее бойцы бегут. Где тут логика? Это же непостижимо.

Наверное, недаром в русском языке такое богатство слов для обозначения бессмыслицы: чепуха, вздор, дичь, галиматья, дребедень, ахинея, безалаберщина, ерунда, нескладица, нелепица, гиль, ералаш, сумбур, кавардак, бестолковщина, чушь, белиберда...

В современной ему действительности, не только саратовской, он видит невообразимую и бессмысленную путаницу — «это как то, если бы в одно время слышали крики сумасшедших, чтение умной лекции, пение Марио, лаяние собаки и все другие речи и звуки, могущие раздаваться на земном шаре. Ахинея.

Нет не ахинея, а только хаос. Из него выйдет порядок, в нем есть все силы, которыми создается порядок, они уже действуют, но еще слишком недавно действуют...».

Впоследствии, когда он начнет писать роман, он обратится к читателям: «Добрая публика... какой сумбур у тебя в голове, сколько лишних, лишних страданий делает каждому человеку дикая путаница твоих понятий. Мне жалко и смешно смотреть на тебя: ты так немощна и так зла от чрезмерного количества чепухи в твоей голове... Но есть в тебе, публика, некоторая доля людей, — теперь уже довольно значительная доля, — которых я уважаю... Их мнениями я дорожу, но я вперед знаю, что оно за меня. Добрые и сильные, честные и умеющие, недавно вы начали возникать между нами, но вас уже немало и быстро становится все больше».

* * *

Новые люди. Он хорошо знал их, многие из них были его друзьями. Как не похожи они на

прежних «героев времени», на всевозможных онегиных и печориных! Как они рвутся к делу! Только дело делу — рознь. И думающий о своей наживе Штольц выглядел бы среди его знакомых белой вороной. И мрачный нигилист Базаров показался бы среди его друзей пошляком. Многие друзья Чернышевского — медики, как и Базаров, но все они совсем не похожи на угрюмого героя тургеневского романа: ни студент Медико-хирургической академии С. Рымаренко, ни домашний врач Чернышевских П. И. Боков, ни, наконец, талантливый физиолог И. М. Сеченов.

Человек необычайной красоты, внешней и внутренней, всегда спокойный и до женственности мягкий, Петр Иванович Боков отличался особенной отзывчивостью в отношениях с людьми. Чернышевского он любил искренно, совсем по-братски, постоянно оказывая ему большие и малые услуги. Чернышевский платил ему тем же. Талантливый ученик С. П. Боткина, Боков не мог жаловаться на недостаток практики. И тем не менее, если этого требовали обстоятельства, он совершенно бесплатно лечил многих и многих пациентов. Когда на Васильевском острове была организована воскресная школа для бедных, он согласился лечить всех ее учеников, не взимая платы.

Немало занимался воскресными народными школами, используя их для революционной пропаганды, и другой медик — Сергей Рымаренко. Не было в Петербурге ни одного революционного выступления без его участия.

Благожелательность, добросердечие и отзывчивость — это самые примечательные стороны

характера и Бокова, и Рымаренко. Им чуждо базаровское презрение к людям, цинизм и холодный расчет.

То же и Сеченов. Это большой ученый, материалист. Но он не считает «пустой романтикой» ни литературу, ни философию. Занятый своими физиологическими опытами, он находит время повеселиться, посмеяться и пошутить. Его ученики в нем души не чают. И ученицы. Это он помог получить дипломы врача жене Бокова Марии Александровне и Сусловой — первым русским женщинам-медикам. В отличие от Базарова он может увидеть в женщине друга и товарища.

Как это говорил тургеневский герой? «Я и возненавидел этого последнего мужика, Филиппа или Сидора, для которого я должен из кожи лезть и который мне даже спасибо не скажет... да и на что мне его спасибо? Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; — ну, а дальше?» Трудно представить такое в устах Добролюбова. Или Михайлова. Или Слепцова, Шелгунова, Бахметева. Все они не задумываясь отдали бы жизнь, если бы это понадобилось для дела. Их дела.

Добролюбов умер, не выдержав огромного перенапряжения сил в работе. Чернышевский любил его как сына, может быть даже сильнее... Не раз он советовал ему поберечь себя: «Не надрывайте себя письмом. Еще успеете просвещать отечество — время терпит, оно и через десять лет будет еще таково же, как теперь». Литературу Добролюбов и любил и понимал, как никто другой. Он и сам был поэтом. У него есть стихотворение:

Милый друг, я умираю
Оттого, что был я честен;
Но зато родному краю,
Верно, буду я известен.
Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

На титульном листе первого собрания сочинений Добролюбова, подготовленного Чернышевским, эти стихи стояли эпиграфом.

А Михайлов попал на каторгу. «Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце», — это было сказано Чернышевским давно, лет пятнадцать назад, но и теперь он мог бы это повторить. Добродушный, восторженный, способный легко увлекаться, Михайлов всегда был готов пожертвовать собою для других во имя гуманности и справедливости. Как и Базаров, он с гордостью говорил, что его дед, крепостной, землю пахал.

Михайлов — поэт и хороший переводчик. Некоторые его вещи Чернышевский помнит наизусть.

Черный страх бежит как тень
От лучей, несущих день;
Свет, тепло и аромат
Быстро гонят тьму и хлад;
Запах тленья все слабей,
Запах розы все слышней.

Это «Стансы» английского поэта Томаса Гуда в переводе Михайлова. В тюрьме такие строки звучат по-особому...

Михайлов был арестован за прокламацию «К молодому поколению», написанную им вместе с Н. Шелгуновым. На допросах он вел себя

истинно по-рыцарски, выгородив всех друзей, всю вину приняв на себя. Вместо того, чтобы оправдываться, Михайлов стал обвинять, заговорив об усмирении крестьян военной силой. Его мужественное поведение тогда же стало известно в Петербурге. Особенно восторгалась молодежь. Но Чернышевский не одобрял поступка поэта. «Нас уж не так много, чтобы самим лезть в петлю. Нужно было сделать все, что только возможно, чтобы спастись». Думал ли он тогда, что и ему очень скоро придется показать всем, как надо держать себя перед врагом? Что ж, силы характера у него хватит. Недаром он, садясь в жандармскую карету, просил передать Антоновичу, чтобы он не беспокоился и п е р е д а л бы Утину, чтобы и тот не беспокоился. В сущности говоря, Антоновичу и нечего беспокоиться. Иное дело Николай Утин — член революционной «Земли и Воли». В последнее время он стал частым гостем Чернышевского. Ему 21 год. Он учится в Петербургском университете на историко-филологическом факультете. Учится хорошо. Его кандидатская диссертация об Аполлонии Тианском удостоена золотой медали. Он энергичный организатор и хороший оратор. Он умеет увлечь за собой молодежь.

Особенно развернулась его организаторская деятельность во время студенческих волнений, когда Министерство народного просвещения запретило студенческие сходки, кассы взаимопомощи, библиотеки. Новые дисциплинарные правила учреждали строгий надзор за поведением студентов. 23 сентября студенты устроили сходку. На кафедру поднялся Ник. Утин, требуя отмены всех «нововведений». Сходка постанови-

ла не подчиняться новым правилам. Правительство заволновалось: студенты зашли слишком далеко. Чтобы прекратить беспорядки, «зачинщики» и «подстрекатели» были арестованы, и среди них, конечно, Утин. Более двух месяцев просидел он в Петропавловской крепости и Кронштадской тюрьме.

Чернышевский, следивший за университетскими событиями, обратил внимание на этого лохматого черноволосого юношу. Они сблизились весною 1862 года, когда Ник. Утин вошел в Центральный Комитет новой подпольной организации «Земля и Воля». Последняя их встреча состоялась 6 июля. А 7 июля Чернышевского арестовали.

В квартире Чернышевского жандармам не удалось найти следов «Земли и Воли». Утин мог не беспокоиться.

А вообще-то Чернышевский многое мог бы рассказать об этой новой организации. Ведь среди ее руководителей и членов — близкие знакомые. Многих он знал еще по Саратовской гимназии, когда работал там преподавателем. Это его ученики, его выученики в буквальном смысле слова: Иван Умнов — глава Казанского комитета, автор прокламации «Долго давили вас, братцы», Турчанинов — студент Петербургского педагогического института, познакомивший Чернышевского с Добролюбовым, Н. Шатилов, Г. Иловайский, секретарь Чернышевского М. Воронов, Ю. Мосолов. Среди них он особенно выделял Юрия Мосолова — главу Московского комитета «Земли и Воли». Их семейства связывала многолетняя дружба. Мосоловы любили и ценили хорошую музыку. В их доме часто было

слышно фортепьяно, хоровое пение (нет, Юрий Мосолов не стал бы смеяться, как Базаров, услыхав игру на виолончели). Мосолов учился сначала в Казанском университете, а потом в Московском. В 1859 году «за дурное влияние на товарищей» его исключили из университета. Мосолов поступил переводчиком в канцелярию строительства Московско-Нижегородской железной дороги. Когда была создана «Земля и Воля», он возглавил Московский Комитет.

В Петербурге — Ник. Утин, в Москве — Юрий Мосолов, в Казани — Иван Умнов — повсюду у него были свои люди, свои ученики, друзья. Когда он напишет роман, он расскажет об этих новых людях, об их взглядах на жизнь, об их надеждах и стремлениях, о том, как они смотрят на любовь и на дружбу, что они делают, чего добиваются. Их учитель Чернышевский напишет им и о том, что они должны делать.

Тогда он еще не мог знать об их дальнейшей судьбе. Умнов проявил себя замечательным конспиратором. Даже после того, как жандармы раскрыли казанскую организацию, они не смогли обнаружить главное ее детище — подпольную типографию. А сам он «спасся» от жандармов трагически: умер от чахотки в 1863 году.

Прекрасным конспиратором оказался и Юрий Мосолов. Арестованный за участие в организации «Земля и Воля», он сумел не только выгородить полностью весь Центральный Комитет, который так и остался не раскрытым, но и облегчить участь товарищей по заключению.

А Николаю Утину удалось бежать за границу. Там ученик Чернышевского возглавил рус-

скую секцию I Интернационала, став соратником Карла Маркса и Фридриха Энгельса.

Но все это еще впереди, в будущем. Пока Ник. Утин и Юрий Мосолов — для Чернышевского ученики, на которых он возлагает как учитель большие надежды. В романе «Что делать?» на последних его страницах появятся два молодых друга — Никитин и Мосолов.

Тридцать лет назад, еще будучи студентом, Чернышевский надеялся стать журналистом, мечтал стать предводителем «крайней левой стороны». Что же, он мог бы с удовлетворением констатировать, что мечтам и планам суждено было осуществиться. Он не только журналист, не просто редактор, а один из руководителей, идейный голова «Современника» — самого популярного русского журнала. Он действительно стал центром освободительного движения России. К нему сходились все или почти все нити революционных кружков, подпольных организаций, легальных и нелегальных обществ.

Н. Шелгунов и М. Михайлов — авторы прокламации «К молодому поколению», Владимир Обручев — член общества «Великорусс», землевольцы А. Слепцов, братья А. и Н. Серно-Соловьевичи, Н. Утин, революционные офицеры Н. Обручев и С. Сераковский — все это друзья, соратники, ученики, последователи. Все приходят к нему за советами, все они видят в нем своего идейного вождя, надеются на него, даже подражают. И он не обманет их. Несмотря на Петропавловскую крепость, на Алексеевский равелин. Они услышат его голос.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ — ЖЕНЕ

...Чем больше русская читающая публика будет знакомиться с этими письмами, тем больше станет расти ее уважение к этому изумительно благородному и непоколебимо-твердому человеку.

Г. В. Плеханов. Чернышевский в Сибири

Первое письмо от 5 октября 1862 года [3].

Милый мой друг, моя золотая, несравненная Ляличка. ...моя милая, делай, как тебе угодно, нисколько не сомневаясь в том, что мне будет казаться наилучшим именно то, что ты сделаешь... Ведь ты знаешь, моя милая, что для меня самое лучшее то, что для тебя лучше. Ты умнее меня, мой друг, и потому я во всем с готовностью и радостью принимаю твое решение. Об одном только прошу тебя: будь спокойна и весела, не унывай, не тоскуй...

Ольга Сократовна этого письма не получила. Оно было задержано Следственной комиссией и приобщено к делу. Обратила на себя внимание следующая фраза:

...наша с тобой жизнь принадлежит истории: пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь.

Эти слова человека, очень остро чувствующего свою ответственность перед потомками и перед историей и готового на любую жертву во имя дела, были расценены как «непомерное самовозвеличение», «преступная гордость». В глазах обывателя, какими по существу являлись его тюремщики, эти гордые слова «буднично» и спокойно идущего на подвиг приобретали значение улики. Плохо же дело тех, кто строит обвинение на таких уликах!

Далее Чернышевский делился с женой своими творческими планами. Он хотел составить «Энциклопедию знания и жизни».

...Потом я ту же книгу переработаю в самом легком, популярном духе, в виде почти романа, с анекдотами, сценами, остротами, так чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романов.

Не являются ли эти строки первым сообщением о новом произведении, написанном Чернышевским в Петропавловской крепости? Не следует ли считать письмо от 5 октября 1862 года — первым упоминанием о замысле романа «Что делать?».

Во втором письме, от 12 октября, он снова успокаивал Ольгу Сократовну, писал, что приступил к переводу XV и XVI томов сочинения Шлоссера «Всемирная история», сообщал, что за этой работой проводит время «совершенно без всякой скуки»:

...если б не забота о тебе, каково-то ты живешь без меня, — то мог бы сказать, что провожу время даже приятно. Ведь сидел же я по пяти и шести суток безвыходно в своей комнате, ведь всегда был я дикарем, — вспомнив это, ты поверишь, моя милая голубочка Лялечка, что собственно для меня самого заключение ровно ничего не значит...

Это письмо было тоже задержано Следственной комиссией. Не почувствовали ли жандармы в нем какую-то скрытую иронию?

Наверное, самым интересным является третье письмо, на котором стоит дата 7 декабря 1862 года. Это небольшой клочок бумаги, густо исписанный с обеих сторон мелким почерком. Закончив писать жене, Чернышевский решил сделать приписку для тех, кто прочтет это письмо первым, но места не осталось, и пришлось писать сверху и снизу основного текста. Вот эта приписка.

Имея привычку действовать прямо, я и пишу прямо. Но если это письмо не будет найдено удобным к отправлению, то я буду знать, что оно было найдено неудобным к отправлению, и только всего. Мне казалось, что здоровье моей жены возлагает на меня обязанность изложить ей мое дело. А излагать его иначе— нельзя, потому что лгать я не стану.

Скажем сразу. Ольга Сократовна этого письма тоже не получила. Оно было найдено «неудобным к отправлению» и... приобщено к делу. В письме Чернышевский высказывал ту же версию своего дела, которую он отстаивал перед Следственной комиссией.

Милый друг, Ляличка!

Когда ты уезжала, я говорил тебе по поводу слухов беспрестанно разносившихся, о моем арестовании: «Не полагаю, чтобы меня арестовали; но если арестуют, знай вперед, что из этого ничего не выйдет, кроме того, что напрасно компрометируют правительство опрометчивым арестом, в котором должны будут извиняться, потому что я не только не запутан ни в какое дело, но и нет возможности запутать меня в какое бы то ни было дело».

Да, разговоры о его «арестовании» между мужем и женой были не раз. Впервые он гово-

О. С. Чернышевская

рил с ней об этом в тот день, когда она стала его невестой.

Они познакомились в Саратове, на вечере в доме дальнего родственника Чернышевского [4]. Ольга Сократовна Васильева обратила на себя его внимание непринужденностью и свободой обращения, необычными в среде саратовских обывателей. Скованный и застенчивый с женщинами, с ней он чувствовал себя легко и просто. Шутил, флиртовал, смеясь объяснялся в любви, грозил проткнуть руку вилкой, если она откажется танцевать с ним («да и в самом деле сделал бы это из дурачества»). После танцев они сели отдельно, у окна, и говорили уже серьезно. Чернышевский обратил внимание на ее природный ум, ему нравилось, что она называет себя демократкой. Он заговорил о положении женщины в русском обществе — в Европе она тоже не свободна, но все же там она имеет больше прав, значения и влияния (в романе «Что делать?» первое знакомство героев также произойдет во время танцев на именинах и разговор тоже коснется положения женщины). Недели через две после первой встречи он узнал, что дома ей «житье тепленькое», что мать Ольги Сократовны не любит ее. У него «тотчас развилось сочувствие к ней, очень сильно развилось». Как и у Лопухова, любви предшествовало сочувствие, желание помочь, спасти, освободить от семейного гнета. Но 19 февраля 1853 года, в день, когда Чернышевский сделал предложение, он уже любил по-настоящему, пылко и страстно. Объясняясь в любви, он считал необходимым предупредить ее. Вот тогда-то и произошел первый разговор о возможности «арестования».

«С моей стороны было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли буду я пользоваться жизнью и свободою. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени... Кроме того у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня... А чем кончится это? — продолжал он. — Каторгою или виселицею. Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей».

В тот вечер ей явно стало скучно слушать его. Напомнить бы ей о том разговоре теперь. (И напомнит. В романе «Что делать?»).

Разговоры о возможности ареста повторялись и позже, когда Ольга Сократовна была уже не Васильевой, а Чернышевской, когда у них были уже дети.

Он любил свою жену. Еще юношей он мечтал «принести сколько возможно в супружество душу и тело девственным», так, чтобы он мог сказать: «Ты первая, которую обнимаю я, ты первая, которую люблю я». Ольга Сократовна была не только первой, но и последней, единственной, на всю жизнь.

Он знал свой характер: знал, что если полюбил, то навсегда. Он был уверен в этом еще будучи женихом. Но еще тогда его мучил вопрос: «Что если она полюбит другого? А если в ее жизни явится серьезная страсть?» И тогда же он ответил на него: «Что же, я буду покинут ею, но я буду рад за нее, если предметом этой

страсти будет человек достойный. Это будет скорбью, но не оскорблением».

Он остался верен своим взглядам. В романе «Что делать?» он разовьет эту возможную трагическую ситуацию и покажет, что собственно никакой трагедии нет, если все герои пресловутого «треугольника» будут мыслить и чувствовать, как мыслит и чувствует он. Главное — желать счастья любимой. Об этом он думал, находясь в тюрьме, на каторге, в ссылке: «Об одном только прошу тебя: будь спокойна и весела...», «Будь здоровенькая и веселенькая, я буду счастлив».

Но даже забота о любимой не заставит его отказаться быть самим собой. Он вспоминал у Лермонтова:

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:

«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року!»

* * *

То, о чем говорили жених и невеста, должны знать только жених и невеста. То, о чем говорили жена и муж, должны знать только жена и муж. Слова Чернышевского Ольге Сократовне о его арестовании, с которых начиналось письмо, должны были знать жандармы. Они несомненно будут первыми читателями этого послания. Последующее они прочтут тоже не без интереса.

Итак, на что же он рассчитывал, когда думал, что его н е а р е с т у ю т?

Почему я полагал, что меня не арестуют. Потому что я знал, что за мною следили, и хвалились, что за мною следят очень хорошо. Я имел глупость положиться на эту похвальбу. Мой расчет был: если хорошо будут знать, как я живу и что я делаю, и чего не делаю, то подозрения против меня уничтожатся, — и кто подозревал, те убедятся, что напрасно смешивали меня с людьми, которые запутываются или могут быть запутаны в так называемые «политические преступления».

За ним действительно следили. Следили за каждым его шагом. Теперь, после Великой Октябрьской революции, стали известны агентурные донесения начальнику III отделения кн. В. А. Долгорукову о литераторе Н. Г. Чернышевском. Тайные агенты фиксировали всех, кто приходил к Чернышевским, отмечали все выходы его из дома, сумели подкупить швейцара, кухарку (ей было выдано из казны III отделения «для поощрения» несколько рублей «на кофе»). Письма Чернышевского перлюстрировались, разговоры тщательно подслушивались — и все это привело шпиков к выводу, что «Чернышевский держит себя чрезвычайно осторожно».

Я сказал, что этот мой расчет на справедливость похвальбы хорошим наблюдением за мною, — был глуп. Он был глуп потому, что я знал, что у нас ничего не умеют делать как следует, — какое же право имел я делать свой случай исключением из правила, — верить, что за мною следят как следует?

Полтора года следили жандармы за его поведением. Полтора года наблюдений не дали в руки III отделения почти никаких материалов. Наконец удалось перехватить письмо Герцена,

в котором были следующие строки: «Мы готовы издавать „Современник" здесь с Чернышевским или в Женеве» [5]. Жандармы увидели в этом письме спасительную соломинку для обвинения Чернышевского «в сношениях с находящимися за границею русскими изгнанниками и другими лицами, распространяющими злоумышленную пропаганду». Предполагалось, что обыск при аресте даст дополнительный материал. Чернышевский был арестован, но обыск не оправдал себя, никаких дополнительных улик не оказалось. Управляющий III отделением Потапов вынужден был заявить, что «Чернышевский ожидал» ареста, т. е. имел якобы возможность подготовиться [6]. Замечательный конспиратор, Чернышевский был уверен, что улик против него нет, что никогда Следственная комиссия не сможет д о к а з а т ь его вину. Это и определило его тактику: он не обороняется, а наступает. Для этого он использует свое излюбленное оружие — иронию.

Мой арест показал мне, что вместо того, чтобы действительно следить за мною, просто без разбора собирали пустые слухи и верили всяким вздорам, — что у нас не редкость... Арестовали — и подумали: «в чем же мы будем обвинять его?» — у нас это часто бывает: сперва сделают, а потом подумают, как разделаться с тем, что сделали, — обвинений против меня не оказалось, когда вздумали, что ведь нужно посмотреть, есть ли обвинения против меня. — Что тут было делать?

Действительно, прошло уже полгода после ареста, а Следственная комиссия располагала теми же уликами, что и вначале — письмом Герцена, на котором — это понимали все — построить обвинение невозможно.

Человек арестован, а обвинений против него нет, ведь это, что называется, казус.

Узник открыто издевается над своими тюремщиками. Как будто не они, а он хозяин положения, как будто он не находится взаперти в камере Алексеевского равелина. Сколько уверенности в себе. Он абсолютно спокоен. По крайней мере внешне. И, конечно, это удивительное присутствие духа ему помогает сохранить работа. *Его* работа. И книги.

...Я сидел арестованный, — читал, курил, спал, — потом: читал, переводил, курил и спал, — иногда скучал, а больше даже и не скучал...

Ему просто некогда было скучать. Он работал....

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ» Ф. ШЛОССЕРА

...Недавно Серно-Соловьевичу дали работу, перевод Шлоссера, говорили, что можно будет дать и Николе, — не знаю, сделают ли это, а до сих пор, хотя и говорили также, что дают им книги, „хотя, разумеется, библиотека там не очень удовлетворительна", но по слухам книг им не давали. Бог их знает, что еще будут творить...

Из письма Е. Н. Пыпиной [7], двоюродной сестры Н. Г. Чернышевского, 23 октября, 1863 г.

В октябре Чернышевскому разрешили работать — продолжить прерванный труд по переводу сочинения Ф. Шлоссера «Всемирная история». Эта работа была начата еще в 1861 году. Работа была коллективной. Переводили Н. Г. Чернышевский, В. А. Зайцев, Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи, В. А. Обручев, Н. В. Шелгунов и др. Редактором перевода был Н. Г. Чернышевский, издателем — Александр Александрович Серно-Соловьевич, владельцем типографии — Иосафат Огрызко; контора перевода находилась в книжном магазине Николая Александровича Серно-Соловьевича, старшего брата издателя. И братья Серно-Соловьевичи, и Иосафат Огрызко, и переводчики — все так или иначе были связаны с революционным подпольем.

Н. А. Серно-Соловьевич содержал книжный магазин. Это было не столько коммерческое, сколько просветительное дело. Распространение полезных книг, имеющих научное и общественное значение, — такова цель этого предприятия.

Работа шла не только в столице, но и в провинции, где у Серно-Соловьевича были свои агенты. Цены на книги для провинции были снижены, а студенты вообще получали книги «чуть не даром». При магазине была открыта библиотека-читальня. Плата за пользование книгами была мизерная: для взрослых — 3 коп., для детей — 1 коп. Молодежь здесь дневала и ночевала. Магазин на Невском проспекте, в доме Петропавловской церкви, № 24, превратился в своеобразный политический клуб. Один из бывших студентов рассказывал: «Тут мы имели возможность читать все что угодно. Так как в то время продажи газет отдельными номерами на улицах еще не существовало, на журналы же надо было подписываться на целый год, библиотека доставляла всем большие удобства. Здесь же можно было узнать все политические и литературные новости, в печати не появлявшиеся, видеть почти всех знаменитостей, а нередко и знакомиться с ними» [8].

Но просветительская деятельность не была главной целью Серно-Соловьевича и его магазина. Главная цель — революционная агитация и пропаганда. Продажа легальных изданий облегчала распространение нелегальных. Контрагенты в провинции занимались «продвижением» не только подцензурного товара. Они распространяли и прокламации, и герценовский «Колокол» и многие другие подпольные издания.

Приказчики магазина совсем не были похожи на обыкновенных продавцов. Это — «свои» люди, по образованию под стать владельцу предприятия. Черкесов и Евдокимов, например, вла-

дели, по словам мемуариста, «чуть не всеми иностранными языками».

Контора перевода была еще и местом революционных сходок, местом встречи подпольщиков.

Издание перевода «Всемирной истории» Шлоссера было другим звеном все той же общей революционной цепи. Шлоссером Чернышевский «зачитывался» еще в студенческие годы. Позже им была переведена многотомная «История XVIII столетия» того же автора. Издание «Всемирной истории» на русском языке было само по себе делом в высшей степени благородным и полезным. Недаром одним из первых откликнулось на него «радикальнейшее» писаревское «Русское слово»: «Мы не знаем другого чтения, которое было бы так полезно». Чернышевского, Серно-Соловьевичей привлекало во «Всемирной истории» то же самое, что заставило делать выписки из этой книги Карла Маркса. Импонировала фундаментальная научная добросовестность этого труда, сочетающаяся с подлинным демократизмом. «Народ не представлялся ему совокупностью чего-то смертного, бессмысленного и слабого, которым можно управлять вполне по произволу, — но самобытной силой, может быть, не всегда сознательной; не всегда достаточно развитой, очень часто попадающейся в руки обманщиков и плутов, но тем не менее имеющей известное направление, известное стремление, которых никакой произвол в мире сломать не может», — писало «Русское слово» (1862, № 3, отд. II, стр. 75—78).

Владелец типографии, где печаталась «Всемирная история», Иосафат Огрызко был видным

деятелем польского освободительного движения. Он издавал в Петербурге газету «Слово» на польском языке, официальной целью которой была борьба за сближение русских и поляков. Этим и занимался Огрызко, лишь с «небольшой» поправкой. Официально предполагалось, что сближение это должно происходить под эгидой царского самодержавия. Огрызко же считал, что главная общая цель у русского и польского народов как раз заключается в борьбе с царским самодержавием. Его близкими друзьями оказались Чернышевский, Сераковский, Утин, Серно-Соловьевичи. Когда в России организовалась «Земля и Воля», на Огрызко была возложена задача связи польского освободительного движения с русскими революционными силами. Вероятно, его типография использовалась для печатания нелегальных воззваний и прокламаций не только на польском языке. А. А. Серно-Соловьевич впоследствии вспоминал о своей деятельности в этот период: «...по ночам набирал и печатал прокламации, днем разносил их и работал над Шлоссером».

Иосафат Огрызко был одним из тех людей, кого царские жандармы наиболее часто видели у Чернышевского дома. Да и сам Чернышевский, очень редко выходивший из дому, по сообщению шпиков, неоднократно ездил к Огрызко. Иногда в самое неурочное время.

Свою преданность Чернышевскому Огрызко докажет и впоследствии, в Сибири. Сам находясь в тяжелых условиях политического ссыльного, он обратится с письмом к своим петербургским друзьям Спасовичу и Кавелину с просьбой помочь Чернышевскому: «Послушайте, друзья

дорогие, нельзя ли как-нибудь помочь человеку, занявшему мое место (Чернышевский в это время находился в вилюйской тюрьме, где до этого 10 лет пробыл Огрызко. — *В. С.*)... Одиночество и климат действуют на него, я это знаю, убийственно. Неужели нет возможности выхлопотать для него перевод хотя бы на один градус южнее?» [9].

Огрызко умер в 1890 году в Сибири, так и не увидев перед смертью своей далекой родины.

Вот таков был владелец типографии, где печаталась «Всемирная история» Шлоссера.

Первые тома появились в конце 1861 и начале 1862 годов. Публика встретила их с большим интересом. Издание расходилось хорошо. Извещая о выходе первого тома, «Современник» заверял читателей, что издание «будет продолжаться безостановочно и быстро, так что будет окончено в непродолжительном времени» (1861 № 10, стр. 284).

Работа шла полным ходом, когда 7 июля 1862 года в один день были арестованы и редактор перевода Н. Г. Чернышевский, и глава книжного магазина Н. Серно-Соловьевич; издатель А. Серно-Соловьевич избежал ареста только потому, что в это время лечился за границей. Тем не менее дело не было приостановлено. В октябре Чернышевскому и Серно-Соловьевичу разрешили в Петропавловской крепости продолжить работу над переводом. Серно-Соловьевич переводил VII и X тома, Чернышевский — XV и XVI.

Темпы работы Чернышевского были, как всегда, удивительны [10]. 1 ноября он сообщает А. Н. Пыпину, что уже перевел две трети XV то-

ма. К концу декабря он уже заканчивает перевод XVI тома и думает приступить к XVII. Одновременно с середины декабря уже началась работа над новым произведением — романом «Что делать?».

Дальнейшая судьба многострадальной «Всемирной истории», как в зеркале, отражается в ее титульных листах.

Первый том открывался следующими словами: «Всемирная история Ф. Шлоссера. Переведено под редакцией Н. Чернышевского. Издание А. Серно-Соловьевича. Т. 1. Санктпетербург. В типографии Иосафата Огрызко. 1861 г.». Издание, которое знакомило русский народ с подлинной, не фальсифицированной историей народов мира, начиналось таким образом страницей, на которой встретились три имени, как бы символизирующие интернациональное содружество: Н. Г. Чернышевский, вождь русских революционеров, И. Огрызко, будущий представитель революционного польского Временного национального правительства в Петербурге, и А. Серно-Соловьевич, будущий активный член I Международного товарищества рабочих, созданного и возглавленного гением Карла Маркса.

Последующие тома — II, III, IV, — получившие цензурное разрешение до 7 июля (день ареста Чернышевского и Серно-Соловьевича) и даже по инерции V (цензурное разрешение — в сентябре 1862 года) полностью повторяют этот титул с добавлением на задней сторонке обложки: «Контора перевода „Всемирной истории" Шлоссера находится в книжном магазине Н. А. Серно-Соловьевича — на Невском проспекте, в д. Петропавловской церкви, № 24».

На титульном листе VI тома (цензурное разрешение — 16 декабря 1862 года) уже нет слов: «Переведено под редакцией Н. Чернышевского», нет инициалов владельца книжного магазина — просто магазин Серно-Соловьевича, но издатель А. А. Серно-Соловьевич еще остается. Он за границей, и судьба его пока неизвестна.

Издатель VII, VIII и IX томов — уже новый: В. Серно-Соловьевич. Это брат Николая и Александра. В ноябре 1862 года на его имя была оформлена «дарственная», по которой магазин и библиотека переходили в его собственность. Седьмой том открывался сообщением В. А. Серно-Соловьевича: «Издание перевода „Всемирной истории" Ф. Шлоссера, начатое моим братом, перешло в мою собственность. Я буду продолжать издание с сохранением прежнего его характера, и надеюсь выпустить все остающиеся 12 томов к концу 1864 года, по 6 томов в год». Действительно, характер издания не изменился и не мог измениться, потому что организаторы его, хотя и находились в тюрьме и эмиграции, продолжали деятельно трудиться над переводом и руководить всем изданием. Практически руководителем дела становится Николай Серно-Соловьевич, поддерживавший связь с «волей» через брата Владимира и управляющего книжным магазином землевольца А. А. Рихтера.

Титульный лист X тома полностью меняет все имена: «Всеобщая история Ф. Шлоссера. Переведено под редакцией В. Зайцева. Издание Л. П. Шелгуновой... 1864 год».

Варфоломей Александрович Зайцев — ведущий критик «Русского слова», которое так вы-

соко оценило труд историка и его перевод (Зайцеву, видимо, и принадлежала приведенная выше анонимная статья). Он вел «библиографический листок» в журнале. По словам Шелгунова, его библиография «была пропаганда и публицистика в форме библиографии, живая, горячая, боевая, писанная именно кровью сердца и соком нервов» [11]. Верный ученик Чернышевского, Зайцев взял на себя его обязанности — общую редакцию перевода, желая довести все дело до конца именно в том духе, как предполагал учитель. И действительно, имя Зайцева уже не сходило с титульного листа издания вплоть до самого последнего тома.

Издателем на титуле X тома была названа Л. П. Шелгунова. Она тоже не была «случайным» человеком, она — тоже из окружения Чернышевского, его близкая знакомая. Ее девичья фамилия Михаэлис. Это ее сестра Мария бросит цветы на эшафот Чернышевскому во время гражданской казни. Людмила Петровна вышла замуж за Шелгунова, потом полюбила поэта Михайлова, и судьба ее несколько напоминает судьбу Веры Павловны, так же как отношения Шелгунова и Михайлова напоминают отношения Лопухова и Кирсанова.

Таким образом, как ни менялись редакторы и издатели, перевод все равно оставался в руках революционных демократов и доведен до конца тем же коллективом переводчиков, который его начинал. Но постоянные аресты, ссылки, эмиграция — все это затягивало издание, нарушало планируемые сроки.

В конце 1864 года был арестован Иосафат Огрызко за причастность к польскому восстанию

1863 года. Он был признан виновным «в нарушении доверия, оказанного ему законным (сиречь — царским.—*В. С.*) правительством, через вступление в сношение с польскими и литовскими заговорщиками и революционерами». Он был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. Поэтому начиная с X тома типография на титульном листе постоянно меняется: О. И. Бакста, А. С. Голицина, пока не вышел XIII том. На титульном листе его стояло: «Издание книгопродавца-типографа Маврикия Осиповича Вольфа, 1867 год».

1867 год. К этому времени уже не было в живых одного из организаторов дела — Н. А. Серно-Соловьевича, погибшего в заточении. Брат его Александр находился в эмиграции в Швейцарии. Здесь же была и Л. П. Шелгунова. Чернышевский и Огрызко были далеко в Сибири.

М. О. Вольф стяжал себе славу «первого книжного миллионера в России». Он брался за издание только в том случае, если был уверен в его успехе. Издание шлоссеровой «Всемирной истории» было делом беспроигрышным. Тому порукой автор, коллектив переводчиков и успех первых томов. И Вольф становится издателем «Всемирной истории». Он и довел это восемнадцатитомное издание до конца.

В 1867 году вышел XV том, в 1868 — XVI. На их титульных листах стояли инициалы: «перевод М. Л. М.» (XV); «перевод Н. Г. Ч.» (XVI). М. Л. М. — Михаил Ларионович Михайлов. Возможно, он действительно в свое время начинал эту работу. Но в сентябре 1861 года, т. е. в самом начале выхода издания, он был арестован, и перевод тома до конца довел уже

Н. Г. Чернышевский — Н. Г. Ч., автор перевода и XVI тома. Так в последний раз промелькнули в русской печати инициалы великого писателя, прежде чем исчезнуть со страниц легальной прессы на долгие годы.

Последний, XVIII, том вышел в 1869 году, но, не закончив еще первого издания, М. О. Вольф приступил к печатанию второго. Дело оказалось действительно стоящим. «Всемирная история» Шлоссера пользовалась заслуженным успехом и приносила ее издателю немалые доходы и славу «деятельного пособника просвещения». А имя истинного инициатора этого начинания, как и имена большинства переводчиков, еще долго оставалось под запретом.

«ИЗ РАВЕЛИНА»

...я могу теперь покупать книги по своему выбору, и некоторые уже купил.

Из письма Чернышевского жене, 12 октября, 1863 г.

Петропавловская крепость была заложена вскоре после основания Санкт-Петербурга — в мае 1703 года. На протяжении многих лет русские цари укрепляли, строили и перестраивали этот оплот своей власти. 20 июня 1733 года в память о своем деде «тишайшем» Алексее Михайловиче императрица Анна Иоанновна «собственными руками» заложила каменный равелин, особое фортификационное сооружение треугольной формы, предназначенное для защиты крепостных стен от огня противника. Равелин ревностно нес службу, защищая громоздкое и неуклюжее здание российского самодержавия от самого опасного врага — внутреннего. Для этого на его территории во второй половине XVIII века было выстроено деревянное здание, которое в 1796—1797 годах по указу Павла I было заменено каменным. Сей его величество повелел: «Для содержащихся под стражею по делам, до тайной экспедиции относящимся, из-

готовить Дом с удобностью для содержания в крепости» [12]. И дом был действительно построен со всею «удобностью». Это было одноэтажное каменное строение в виде треугольника, как бы повторяющее форму равелина, стены которого служили надежной гарантией от побега. Дом назывался «Секретный дом». Здесь содержались самые злостные, самые опасные государственные преступники. В казематах Алексеевского равелина ожидали своей участи наиболее «злонамеренные» участники восстания декабристов и среди них те, кто был приговорен к смертной казни. В 1849 году в Секретный дом были водворены 13 петрашевцев вместе с самим М. В. Буташевичем-Петрашевским. Специально построенная для самых закоренелых злоумышленников, тюрьма, разумеется, нередко встречала распростертыми воротами русских писателей. Это поистине одно из самых «памятных литературных мест». Оно связано с такими именами, как А. Н. Радищев, К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбеккер, С. Ф. Дуров, Ф. М. Достоевский и, наконец, Н. Г. Чернышевский. Он провел в здешней одиночке 678 дней: с 7 июня 1862 года по 20 мая 1864 года.

Восемь шагов в длину и четыре в ширину. Стены выкрашены в желтый «казенный» цвет, с красной полоской по карнизу. Окно на три четверти закрашено белой краской, в углу печь, которая топится из коридора. Из мебели — кровать, стол, табурет, зеленый куб (параша). Так выглядела, по описанию современника, камера Алексеевского равелина в 60-е годы. Так, вероятно, выглядел и покой № 11, в котором находился Чернышевский.

Своеобразие его камере придавали книги. Много книг. Учитывая скудость мебели, мы должны предположить, что книги лежали и на столе, и на табурете, и на кровати, и просто на полу.

Узникам Алексеевского равелина чтение разрешалось. «Для умаления у содержащихся неразлучной с их положением скуки давать им по их избранию читать книги русские, французские и немецкие, для чего и приняв в ведение ваше (смотрителя. — *В. С.*), заведенную при доме Алексеевского равелина библиотеку, умножить оную покупкою новых книг» [13]. Эта инструкция была составлена в 1812 году. Тем не менее через 50 лет, в 60-х годах, тюремная библиотека была чрезвычайно скудна. Более чем наполовину она комплектовалась книгами «духовно-нравственного», религиозного содержания. Можно представить, как Чернышевский, подобно Рахметову, браковал их одну за другой и, наверное, все-таки находил что-либо более или менее интересное.

Так было до середины октября, пока, наконец, ему не разрешили работать и покупать книги извне. Книги Чернышевскому в основном доставал его двоюродный брат и близкий друг детства А. Н. Пыпин — замечательный ученый, историк литературы и библиограф. В письмах Чернышевского к Пыпину в этот период постоянно встречаются просьбы прислать книги. Иногда это издания давно раскупленные, и достать их нелегко. Но Пыпин выполнял просьбы Чернышевского безотказно.

До нас дошли некоторые списки книг, побывавших в руках Чернышевского в равелине. Они

дали возможность составить сводный список. К сожалению, этот список неполный. В нем нет, например, немецкого издания Шлоссера, книги, над которой работал Чернышевский и которая наверняка была в его камере. Несмотря на свою неполноту, и этот список выглядит очень внушительно. В нем — 61 название, причем «Собрание сочинений» мы считали за одно название. Всего более 100 томов на русском, немецком, английском, французском и латинском языках. Здесь и художественная литература, и книги по экономике, философии, истории, биологии и даже по математике.

Нет, он не стремился забыться за чтением. Он работал, работал усидчиво, регулярно, повседневно. Он почти не выходил на прогулку, почти не ходил по камере: он сидел или лежал, читал или писал и больше писал, чем читал. Он переводил, писал автобиографические заметки, научные статьи, беллетристические произведения. П. Е. Щеголев так отозвался о работе Чернышевского за неполные два года, проведенные в Алексеевском равелине: «Если подсчитать количество печатных листов, то получатся цифры совершенно невероятные. Кажется невозможным выполнение автоматической переписки такого количества листов в такое время. В самом деле, если мы не примем в расчет черновых редакций и ограничимся учетом только беловых рукописей, то мы получим приблизительно следующие цифры печатных листов по 40 тыс. букв в листе: беллетристика — 68, научные работы — 12, автобиография — 10, судебные показания и объяснения — 4, компиляция (Кинглек) — 11, переводы — 100 листов — всего около 205 печат-

ных листов или чуть побольше 9½ печатных листов в месяц... А если накинуть еще до 50 печатных листов черновых редакций, тогда придется на месяц до 11½ печатных листов. Остается рассчитать рабочий день Чернышевского...»[14]. В сохранившихся рукописях есть пометки — даты и часы их написания. Так, работая над романом «Что делать?», 20 декабря Чернышевский начал свой трудовой день в 6 ч. 30 м. утра, а в другой раз он приступил к новому труду в 10 ч. 30 м. вечера.

И в этом упорном систематическом труде книги — постоянные помощники, советчики, друзья.

Среди научных специальных сочинений больше всего книг по истории. Из трудов русских ученых — здесь работы Н. И. Костомарова: «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада», т. 1—2, и «Исторические монографии и исследования», т. 1—2 (оба труда изданы в Санкт-Петербурге, в 1863 году).

Их личные отношения были очень сложны. Они встретились в Саратове, молодой учитель гимназии Н. Г. Чернышевский и высланный профессор Киевского университета Н. И. Костомаров. В Саратов Костромаров попал после годичного пребывания в Алексеевском равелине за принадлежность к Кирилло-Мефодиевскому братству (по тому же делу был арестован и сослан в солдаты Т. Г. Шевченко). Приехав после учебы в университете в родной город, Чернышевский торопился познакомиться с человеком, навлекшим на себя гнев царя. Они подружились, хотя Чернышевский тогда же заметил либеральную мягкость Костомарова.

Позже, уже в Петербурге, они разошлись, когда во время студенческих волнений Костомаров опять выказал свою половинчатость либерала. Личный разрыв не помешал Н. Г. Чернышевскому относиться с уважением к Костомарову-историку за «серьезность и дельность» его трудов.

Во втором томе «Исторических монографий» Чернышевский мог прочесть костомаровский «Бунт Стеньки Разина», труд, который надолго станет классическим в ряду работ о славном предводителе крестьянской войны.

Из русских историков Костомаров был единственным, чьи книги находились в камере Чернышевского. Остальные исторические сочинения были или на немецком, или на английском языке. Это в основном книги, над которыми он работает ежедневно, — переводит их.

Еще не закончив работы над романом «Что делать?», с февраля 1863 года Чернышевский принимается за перевод книги Г.-Г. Гервинуса «Введение в историю XIX в.». Перевод сопровождался обстоятельными комментариями, в которых революционный демократ Чернышевский вступал в спор с буржуазным либералом Гервинусом, принадлежавшим, по словам переводчика, «к числу людей очень умеренных, даже слишком умеренных в своем образе мыслей: он патриот, иногда даже слишком пристрастный к родной стране» [15]. Работа над переводом Гервинуса совпала с работой над образом Рахметова. В романе есть такой эпизод. Перебирая книги, этот «ригорист» ищет сочинение себе по вкусу, бракуя множество «несамобытных» книг. В их число попал и Гервинус. С 8 по 20 марта Чер-

нышевский отослал через коменданта Петропавловской крепости А. Н. Пыпину в общей сложности 37 листов своего перевода, но до адресата они не дошли, осев в бумагах Следственной комиссии. Перевод так и остался незавершенным.

Рахметовское «несамобытно» относилось и к сочинениям Маколея, чей труд по истории Англии переводил Чернышевский весной и летом 1863 года. В его «библиотеке» находилось десятитомное лейпцигское издание 1849—1861 годов: Macaulay, Th. Ihe History of England. Чернышевский переводил седьмой и восьмой тома, посвященные времени так называемой славной революции конца XVII века.

С августа по октябрь он работает над статьей «Рассказ о Крымской войне, по Кинглеку». Александр Вильям Кинглек (Kinglake) — крупный деятель партии консерваторов, участник Крымской войны, автор многотомного сочинения «Ihe Invasion of the Crimea» («Вторжение в Крым»). Первое издание первых томов появилось тогда, когда Чернышевский находился уже в тюрьме. О выходе в свет этого труда он узнал, вероятно, от Пыпина. А. Н. Пыпин достал ему и первые четыре тома в лейпцигском издании Таухница.

9 августа Чернышевский писал родным: «Я начал делать извлечения из Кинглека, — начал по такой солидной методе, что почти ничего не цензурного не выйдет...» (замечательно это «почти» под пером узника Петропавловской крепости). Его перевод не был переводом в полном смысле этого слова. Порядок извлечений совершенно не соответствовал расположению ма-

териала в подлиннике. 1-я глава Чернышевского соответствовала 14-й главе Кинглека. 2-я глава состояла из отрывков 15, 4, 5- и 6-й глав. Такой же мозаикой были главы 3 и 4. Здесь Кинглек вообще служит Чернышевскому только материалом для собственного рассказа. Перевод английского текста сопровождался обширными комментариями. 1-я глава была посвящена описанию государственного переворота во Франции, в результате которого был провозглашен императором Наполеон III. В своих комментариях Чернышевский показал неизбежность бонапартизма при известной расстановке общественных сил: «...успех был просто насильно взвален на плечи президенту (будущему императору. — *В. С.*) силою хода обстоятельств; точно так и с таким же успехом действовал бы на его месте всякий другой политический авантюрист, глупый или умный — все равно, лишь бы человек, не служащий какому-нибудь определенному убеждению, а думающий только о том, чтобы захватить побольше власти» [16].

Первая половина статьи Чернышевского была готова к началу сентября и послана А. Н. Пыпину. Пройдя все инстанции III отделения и Следственной комиссии, она попала в редакционный портфель «Современника» и должна была быть напечатана, но царские власти запретили к переводу на русский язык самый труд Кинглека. Вторую половину статьи Следственная комиссия не выпустила из своих рук, оставив в деле. Поэтому судьба обеих частей работы Чернышевского различна. Первая, оставшаяся в руках А. Н. Пыпина, стала известна в конце XIX века, а вторая — только после

Октябрьской социалистической революции, когда оказались доступными секретные царские архивы.

С 14 декабря 1863 года по 4 января 1864 года Чернышевский переводил с немецкого «Историю Соединенных Штатов» К. Неймана. У него был только первый том, посвященный в основном войне за независимость. Почти завершенный перевод остался в руках Следственной комиссии, так и не увидев света.

Вероятно, Чернышевский собирался еще переводить книгу по истории немецкой культуры (очевидно, Г. Фрейтага). Эта книга в его библиотеке была, и он даже хотел взять ее с собою в Сибирь.

Таким образом, из семи книг по истории — пять нужны были Чернышевскому для непосредственной работы. Нетрудно заметить, что эти исторические труды в подавляющем большинстве полностью соответствуют интересам революционного демократа: все они так или иначе связаны с крупными политическими переворотами, освободительными войнами, крестьянскими бунтами, проблемой республик и народоправства.

Непосредственно к историческим произведениям примыкает мемуарная литература. В камере Чернышевского были на французском языке мемуары Луи Сен-Симона, «Исповедь» Руссо, автобиография Беранже. Русскому демократу был близок Беранже, поэт простого люда Франции. Среди книг Чернышевского находились переводы Курочкина, а также автобиография французского шансонье, которую он собирался переводить.

Значительное место занимали философские труды. Это произведения французских просветителей Руссо и Дидро, «Опыты» Монтеня, избранные сочинения Паскаля, а также немцы — Фохт и Левенгардт.

Чернышевский был творческим читателем, и если книга его интересовала, она так или иначе находила свое отражение в его работе. Формы этого отражения — самые различные: иногда это перевод с комментариями, иногда простое высказывание по поводу прочитанного. В беллетристических трудах, написанных в Петропавловской крепости, мы обнаруживаем многочисленные цитаты, раздумья над книгами, оценки.

Жан-Жак Руссо. Кроме «Исповеди» в камере Чернышевского было его восьмитомное собрание сочинений. В «Что делать?» автор вспоминает творца «Новой Элоизы» как первого провозвестника свободы.

Карл Фохт, немецкий материалист; в тюрьме Чернышевский снова перечитал его труды. Во многом он не был с ним согласен, но все же считал его «первоклассным писателем». Так отзывается о нем главный герой повести «Алферьев». На одной из книг Фохта («Физиологические письма», вып. 1, СПб., 1863) можно прочесть, правда с трудом, полустершуюся надпись на титульном листе, сделанную рукой Чернышевского: «Более точное знание влечет за собой увеличивающееся могущество, большее богатство и более высокую добродетель».

Русский социалист-утопист, Чернышевский перечитывал в тюрьме труды своего предшественника англичанина Роберта Оуэна, к которому относился с большим уважением, называя

«святым стариком». Недаром герой «Что делать?» Лопухов повесил у себя в кабинете его портрет. «Какое благородное лицо.., какая смесь незлобия и проницательности в его глазах», — думает Вера Павловна, глядя на этот портрет.

Самое большое место в библиотеке Н. Г. Чернышевского занимали беллетристика и поэзия. В подавляющем большинстве это были книги его любимых писателей и поэтов. «Третьего дня, — писал он, — мне принесли пять томиков Диккенса, которых я еще не читал. — Что ж? — все... ученые произведения перенеслись со стола, у которого, и с кровати, на которой я читаю, на окно, — меня угрызает совесть, мне стыдно за себя, — по пяти раз в день я собираюсь возвратить хоть одно из ученых произведений из его ссылки, — нет! — предвижу, что пролежать им на окне, пока не дочитаю Диккенса. И сколько убытку делает он мне! — ученые произведения я читал для отдыха от работы, — а теперь ленюсь, ленюсь работать, — давно уже отдохнул, а все еще лежу с Диккенсом в руках. Милый он, трудно оторваться от него» [17]. Нам уже известны темпы работы Чернышевского в Алексеевском равелине, где написаны и эти строки. Поэтому мы не будем «очень строго» судить его за «сибаритство», в котором он упрекает себя.

Чернышевский очень любил произведения Диккенса и Жорж Санд. Снова и снова он возвращался к их книгам. В его камере можно было найти и «Графиню фон Рудольштадт», и «Холодный дом», и «Крошку Доррит», и много других произведений этих писателей. В своем романе он даст тонкую характеристику им обоим.

Высоко ценя и «добрую благородную» французскую писательницу, и гениального английского реалиста, русский социалист Чернышевский не мог не критиковать ограниченность их гуманизма. Ему, политическому узнику Петропавловской крепости, чужд их пессимизм: «им только жалко (бедных.— *В. С.*), а они думают, что в самом деле так и останется, как теперь». Он и здесь продолжал верить, что у «невесты» Лопухова — Революции — большое наследство, что наступит «Перемена декораций», что Рахметовы, Лопуховы и их продолжатели сумеют в конце концов «устроить жизнь так, что не будет бедных».

Особое место в тюремной библиотеке Чернышевского занимали произведения русских писателей: четыре тома Н. В. Гоголя, два тома М. Ю. Лермонтова, произведения А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, Н. Г. Помяловского. Эти книги не были для него новинками. «Чуть не все» лирические стихи Лермонтова он знал наизусть с детства. Цитаты из Гоголя, его образы встречаются во многих статьях Чернышевского. «Гоголь и Лермонтов кажутся недосягаемыми, великими, за которых я готов отдать жизнь и честь» [18], — писал он в студенческие годы.

С Некрасовым Чернышевского связывала личная дружба. Он очень любил поэта, считал, что у него «талант первоклассный», мечтал написать о нем серьезную критическую статью. Чернышевский признавался, что некоторые стихотворения Некрасова «буквально заставляют ... рыдать» его [19]. Среди них «Давно отвергнутый тобою». Песню на эти стихи поют в мастерской

Веры Павловны. Она же обращается к стихам Некрасова и в момент сильных душевных переживаний. Она вспоминает:

> Извелась бы, неутешная,
> Кабы время горевать;
> Да пора страдная, спешная —
> Надо десять дел кончать.
> Как ни часто приходилося
> Молодице невтерпеж,
> Под косой трава валилася,
> Под серпом горела рожь.
> Изо всей-то силы-моченьки
> Молотила по утрам,
> Лен стлала до темной ноченьки
> По росистым по лугам.

Эти строки наталкивают Веру Павловну на очень важную для нее мысль: работа — лучший лекарь, лучший помощник в самые тяжелые минуты жизни.

В камере Чернышевского было третье издание «Стихотворений» Некрасова. Оно вышло в свет в 1863 году, когда Чернышевский находился уже в тюрьме. Он мог с удовлетворением заметить, что в это издание попало несколько вещей впервые: «Размышление у парадного подъезда», «Гробик», «Я покинул кладбище унылое». Это последнее было посвящено их общему другу — Н. А. Добролюбову.

Лермонтов, Некрасов, Кольцов — эти книги дороги ему еще и тем, что с ними было очень много связано в его жизни, что они будили дорогие воспоминания. Особенно Кольцов. Небольшой томик его стихов был первым подарком Чернышевского любимой женщине — невесте, Ольге Сократовне. «Книга любви чистой, как моя любовь, безграничной, как моя любовь; кни-

га, в которой любовь — источник силы и деятельности, как моя любовь к ней — да будет символом моей любви»[20], — записал он тогда в своем дневнике. Наверное, в Петропавловской крепости он не раз вспоминал о том, как дарил эту книгу. Приняв подарок, она хотела, чтобы он прочитал оттуда несколько стихов. Он отказывался. Она сделала вид, что сердится. Он стал читать стихотворение «Бегство». Она рассмеялась: «Вы читаете решительно как псалтырь».— «Поэтому-то я и не хотел читать вам».

В бумагах Чернышевского в Петропавловской крепости на одном листке среди выписок из мемуаров герцога Луи Сен-Симона вдруг неожиданно оказались названия стихотворений Кольцова и страницы, на которых они находятся. Перечитывая любимого поэта, именно на них Чернышевский обратил внимание. Здесь и песни Лихача Кудрявича:

Любо жить на свете
Молодцу с кудрями,
Весело, на белом,
С черными бровями!

Здесь знаменитое:

Разрядись, уберись
В свой наряд голубой...

И, наконец, «Песня»:

Так и рвется душа
Из груди молодой!
Хочет воли она,
Просит жизни другой!..

* * *

Покидая Петропавловскую крепость, отправляясь на каторгу, Чернышевский большинство

книг вернул А. Н. Пыпину. Но некоторые, самые дорогие, он захватил с собой. Среди них — два томика Жорж Санд, Лермонтов, Некрасов и Кольцов.

* * *

Государственный литературный музей в Москве и Саратовский музей Н. Г. Чернышевского хранят несколько книг. На каждой из них рукою кого-то из Пыпиных сделана пометка: «Из равелина». Это драгоценные реликвии несгибаемой воли, титанической силы духа и огромной творческой энергии, гордой и неустрашимой.

РОМАН О НОВЫХ ЛЮДЯХ

Славься, свобода и честный наш труд!
Пусть нас за правду в темницу запрут,
Пусть нас пытают и жгут нас огнем —
Песню свободе и в пытке споем!

Революционная песня. 60-е годы.

14 декабря 1862 года, в тридцать седьмую годовщину восстания декабристов, через пять месяцев после своего ареста, в Алексеевском равелине Петропавловской крепости Н. Г. Чернышевский начал работу над романом «Что делать?». Он писал на огромных полулистах нелинованной бумаги размером 21,5×35 см, писал мелким почерком, убористо, с обеих сторон, почти без помарок.

Первый день ушел на первую подглавку «Дурак», занявшую в рукописи всего половину страницы. Начало выглядело таинственно-завлекательно, рассказывало о непонятном трагическом самоубийстве и вполне соответствовало лучшим образцам пустого авантюрного чтива. Создавалось впечатление, что автор поставил перед собой задачу во что бы то ни стало «закрутить», запутать сюжет, как можно сильнее заинтриговать читателя. Действительно, такое начало должно было привлечь внимание одних и одновременно отвлечь других.

«Лиха беда — начало». И неважно, что в первый день работы результат невелик. Через день, 16 декабря, когда он снова сел за роман, он уже «расписался». В этот день впервые на страницах произведения появилась его героиня — Вера Павловна. Пока она еще не названа по имени, и автор говорит о ней таинственно: «молодая дама».

Она шьет и напевает какую-то арию: «Мелодия песни была веселая, слышались в ней порою и грустные звуки, но они покрывались общим светлым мотивом, — почти вовсе исчезали бы в нем, если бы дама была в другом расположении духа, но у ней эти немногие грустные ноты звучали слышнее других, она как будто встрепенется, заметив это, понизит на них голос и сильнее начнет петь веселые звуки, их сменяющие; но вот она опять унесется мыслями от песни к своей думе, и опять грустные звуки берут верх».

Веселая песня с грустной нотой. Таким должен быть и его роман. Эту грустную ноту он постарается спрятать как можно дальше. Пусть только самые близкие услышат ее. Среди них первая, кого он вспоминает, кому он посвятит роман, его единственная любовь — жена — Ольга Сократовна. Своим характером, неугомонным, независимым и заразительно веселым героиня Вера Павловна будет напоминать ее. И в портрете героини Ольга Сократовна узнает себя (она и есть его вера петропавловская). И настроение героини — чувство грусти у человека. не умеющего и не любящего грустить — тоже должно быть близко теперешнему настроению его жены, жены политического заключенного.

Действие продолжало развиваться всё в том же стремительном темпе, не менее загадочно и таинственно. На одну из маленьких дач Каменного острова под Петербургом, где живет героиня, приходит письмо. Дама прочла его, побледнела, прочла еще раз и зарыдала. В комнату входит молодой человек. Увидев письмо, он бледнеет, руки его дрожат. Он хочет подойти к женщине, но она отталкивает его: «Прочь! Не прикасайся ко мне! На тебе его кровь!.. И на мне его кровь! На мне! Ты не виноват! Я одна!». Она решает покинуть Петербург: «Легче будет вдали от мест, которые напоминали бы прошлое». Таково было «Первое следствие дурацкого дела», за которым шла «Вторая завязка».

Через два часа к той же даче ехал человек, уже немолодой, с лицом озабоченным и недовольным. Это Владимир Петрович Копанцев. Он ехал на извозчике и ворчал. Он ворчал на извозчика, что тот слишком медленно едет, и на то, что он вынужден тратить лишний полтинник, и на приятеля, который застрелился («Ну, застрелился, так застрелился, — почему и не сделать так, если нужно, — да делай же умно, чтобы другим хлопот лишних не было»). Но в сущности этот старый ворчун-холостяк — добряк, который хлопочет по чужим делам. Это милый одинокий человек, чудак в диккенсовском духе. Только в отличие от филантропов английского писателя он много философствует о нынешнем времени и о будущем. Ему нравится современная молодежь, он грустит, что в свое время не обзавелся семьей, испугавшись за будущее детей, которые должны бы были родиться: «Ведь уже очень порядочное время, а через

десять-то лет, когда подросли бы мои дети, и еще лучше будет. Славное время, славное время. А я-то и не рассчитал тогда».

Приехав к Вере Павловне, он показал ей записку: «12 июля, час ночи. Владимир Петрович Копанцев передаст тебе, Вера, мою просьбу. Но прежде, чем ты узнаешь ее, дай себе слово исполнить ее...».

— Исполню, — сказала Вера Павловна.

— Это хорошо. Слушайте же. — Он стал говорить шепотом.

Так интригующе заканчивалась «Вторая завязка». А после нее, наконец-то, шло «Предисловие». Его Чернышевский написал 17 декабря, в третий день работы над романом. Автор впервые разговаривал непосредственно с читателем. Он сообщал, что больше не будет прибегать к таким «манерным уловкам», выхватывая из середины действия эффектные куски и перенося их в начало. Он объяснял, что «туман загадочности» ему понадобился, чтобы заинтересовать читателя, привлечь его внимание к своему произведению. «Дальше не будет ни таинственности, ни эффектности, никаких прикрас, — обещал он, обращаясь к «доброй публике». — До прикрас ли, когда сердце обливается кровью при мысли о том... какой сумбур у тебя (т. е. публики. — *В. С.*) в голове... сколько лишних, лишних страданий делает каждому человеку нелепость твоих понятий».

Узник Петропавловской крепости обращался к тем, кто на воле: «Зачем вы так много страдаете, люди?».

И призывал: «Поймите истину, и истина осчастливит вас».

В тот день ему особенно хорошо работалось. Закончив «Предисловие», он приступил к первой главе «Жизнь Веры Павловны в родительском доме». Главные герои главы — пока еще не сама Верочка и ее друзья. В центре повествования ее мать Марья Алексевна, незадачливый жених Сторешников — люди старого мира. Страсть к наживе, невежество, пошлость — такова обстановка отчего дома. Верочка не единственная, кто провел свою молодость в темном подвале предрассудков и самодурства. Но в отличие от многих своих сверстниц, ей повезло — на ее пути оказались новые люди, знающие, как выйти из этого подвала. Но о них он расскажет в следующих главах.

Всего 17 декабря он написал 9 страниц, больших страниц — 21,5×35 см, своим мелким убористым почерком. Почти без помарок.

Работа подвигалась быстро. А параллельно с работой над новыми главами романа Чернышевский переписывал набело первые его страницы. Это не был механический труд. В процессе переписывания автор многое исправлял: переделывал, выбрасывал, добавлял. Он не ограничился теперь сообщением, что дама пела песню. В тексте, переписанном набело (и опубликованном в «Современнике»), он указал точно, какую песню:

Ça ira
Qui vivra, verra...

Это была задорная песенка французских простолюдинов, сложивших ее в славном 1789 году, году Великой Революции: «Это дело пойдет, — поживем, доживем...».

Из Петропавловской крепости должна была

выйти книга, полная радостной веры в будущее. Судьба ее автора никак не должна была влиять на ее основной, мажорный тон. Поэтому, переписывая набело «Предисловие», Чернышевский пообещал «счастливую» развязку. Он не сомневался: «Дело кончится весело, с бокалами, с песнью». Так будет, независимо от того, что случится с ним лично.

И еще одно очень важное изменение внес Чернышевский, переписывая набело роман. Он целиком выбросил «Вторую завязку», а вместе с нею со страниц произведения исчез чудаковатый добряк Владимир Петрович Копанцев. Весть о том, что Лопухов не покончил самоубийством, принесет не он, а совершенно новый персонаж, новый в романе, в литературе, в жизни— «особенный человек» Рахметов.

* * *

22 января 1863 года Чернышевский направил коменданту Петропавловской крепости Сорокину письмо, чтобы тот передал его «кому следует». Письмо содержало требования, не просьбы, а именно требования:

1. «Чтобы ему (Чернышевский писал о себе в третьем лице. — *В. С.*) немедленно было разрешено видеться с его женою, постоянно» (слово «немедленно» Чернышевский подчеркнул).

2. Чтобы комиссия сообщила ему, «в какое, приблизительно, время дело Чернышевского может быть окончено производством. Чем оно окончится, этого он не спрашивает, — писал узник; — это ему известно; но когда оно кончится, — это он желает знать». Post scriptum содержал какую-то неопределенную угрозу (не-

понятно, чем мог грозить заключенный): «Если он не получит ответа до четверга вечера (24 ч. января), то он будет знать, что не нашли удобным или нужным обращать внимание на эти его желания».

Многое видели стены страшной Санкт-петербургской тюрьмы. Видели они слезы раскаяния и гордую уверенность в правоте своего дела. Видели в глазах осужденного страх перед тем, что должно неминуемо свершиться, и мужественное презрение к смерти. Они видели, как молят о прощении и помиловании, как пишут прошения и покаянные письма. Одни оправдывались и просили, другие стойко молчали, третьи страстно бросали в лицо врага слова своей правды. Но ни разу еще арестант не предъявлял ультиматумов, никогда заключенный не требовал. Это было так неожиданно и неправдоподобно, что в III отделении, куда Сорокин переслал письмо, не нашли нужным обращать на него внимания.

3 февраля тюремный врач Оксель доносил коменданту: «Содержащийся в Алексеевском равелине под № 11 арестант с некоторого времени воздерживается от всякой пищи, вследствие чего он заметно ослабел...» [21].

Это была первая голодовка политического заключенного. Впервые в истории Петропавловской крепости узник вступал в борьбу со своими тюремщиками. И делал он это очень спокойно, без всякого намека на какой-либо эффект, позу. «Просто» с 28 января он перестал есть. Щи и суп он выливал, твердую пищу прятал. Несколько дней никто и не знал о его решении, пока караульные и смотрители не догадались, почему за последнее время узник заметно похудел и

побледнел. Его пытались уговаривать, ему угрожали. Врач даже прописал ему капли для аппетита. Чернышевский капли выпил, но объяснил, что воздерживается от пищи не потому, что нет аппетита. И продолжал голодовку. Только пил, 2 стакана воды в день. И работал.

Именно 28 января, в первый день голодовки, на страницах романа появляется особенный человек «ригорист» Рахметов. Пока — он еще только участник веселого пикника, но его композиционное место в романе Чернышевскому уже известно. Он заменит собою Копанцева. Не добрый ворчун-холостяк, а Рахметов, суровый, решительный и непреклонный в своей любви и требовательности к людям, настоящий революционер, революционер-профессионал, появится в кульминационный момент повествования о судьбах Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова. Таким, как он, суждено изменять обстоятельства жизни, пусть же и в романе сюжет повернется с появлением Рахметова.

Чернышевский знал таких людей. Немногих, но знал. Да их и было в ту пору еще немного.

После некоторых раздумий (Нальчин? Рахманов?) он дал своему герою фамилию, близкую фамилии своего саратовского земляка, товарища и ученика П. А. Бахметева. Некоторые черты этого человека легко угадываются в образе Рахметова. Он тоже был старинного дворянского рода, тоже много путешествовал, тоже мечтал о «социальных» преобразованиях. Подобно Рахметову, который прийдя к «величайшему из европейских мыслителей XIX века, отцу новой философии» Фейербаху, вручил ему 30 тыс. талеров на издание его сочинений, Бахметев был

Н. Г. Чернышевский, 1871

в Лондоне у Герцена и оставил ему на нужды типографии «или для русской пропаганды вообще» 20 тыс. франков.

Вместе с тем было бы наивно ставить знак равенства между реальным Бахметевым и литературным типом Рахметовым, образом несомненно собирательным, вобравшим в себя многие наблюдения и долгие раздумья автора, человека, тесно связанного с революционным подпольем.

В Рахметове можно узнать черты многих соратников Чернышевского. У него огромный запас знаний, он талантлив и работоспособен, как Добролюбов. Он целеустремлен и прям, как Сераковский. Даже обстоятельства первого знакомства Сераковского с Чернышевским несколько напоминают первое знакомство Рахметова с автором — Рахметов, как известно, сказал автору: «Вы или лжец или дрянь». И автор Чернышевский признается: «Я действительно говорил ему не то, что думал, и он, действительно, имел право называть меня лжецом, и это нисколько не могло быть обидно». Сераковский также вначале был возмущен и взбешен оказанным ему приемом. Да, осторожность никогда не мешала, и плоды ее сегодня налицо: полгода бьется Следственная комиссия, а улик нет.

Наконец, многое в облике Рахметова — от самого Чернышевского; даже во внешних привычках — например любовь к дорогим сигарам. А разговор с любимой о том, что он не имеет права связывать чью-либо судьбу со своей, очень напоминает разговор самого автора со своей невестой. Есть и более существенное совпадение — ученики и в Москве, и в Казани. Конеч-

но, Чернышевский не был так богат, как Рахметов, и не мог содержать стипендиатов, но «свои» люди у него были повсюду.

Создать образ революционера, образ «особенного человека» — это огромная ответственность. И не только перед литературой, перед публикой, но и перед самим собой. Если создаешь идеал, пример для подражаний, то первый, кто должен ему последовать, — это ты сам, автор. И силы здесь нужны немалые. И они найдутся. Автор будет достоин своего героя, и борьбу, которую он начал, он доведет до конца. И голодовка — один из этапов этой борьбы. Своеобразное испытание нового оружия. Со временем его возьмут на вооружение многие сотни бойцов. Сегодня он — первый. Он выдержит это и сможет сказать, как Рахметов: «Проба... Вижу, могу».

Девять дней продолжалась голодовка. И несмотря на упадок сил, на огромное нервное напряжение, все это время он работал над романом.

Вера Павловна видит сон, свой третий сон. Она понимает, что ее чувство к Лопухову — это не любовь. Она отчаянно борется сама с собой. Лопухов узнает об ее сне. Он обдумывает создавшееся положение. Он идет к Кирсанову. Просит его чаще бывать у них.

«Лучшее развлечение от мыслей — работа», — думала Вера Павловна (и автор добавляет: «совершенно справедливо»). «Борьба была тяжела; цвет лица Веры Павловны стал бледен. Но по наружности она была совершенно спокойна, старалась даже казаться веселой, и это удавалось ей. Но если никто другой не

замечал ничего, то муж, конечно, очень хорошо видел все». И он ей помог. Он уехал из Петербурга. Далее произошло то, что описано было в самом начале романа. Напоминанием об этом Чернышевский закончил работу 5 февраля.

6 февраля, па десятый день, он прервал голодовку. Но борьба продолжалась. Он обратился к коменданту крепости с угрозой возобновить голодовку, если его требования (свидание с женой и сообщение о положении его дела) не будут удовлетворены. Он просит коменданта ответить: «Достаточно ли убеждены Вы в совершенной серьезности и твердости моей воли... Прошу отвечать мне — этого требует уж и обыкновенная учтивость». У коменданта крепости были свои понятия об учтивости в отношении к заключенным, ответ его не удовлетворил узника: «Ответ Вашего превосходительства передан мне в неясном виде... Я спрашивал Вас: совершенно ли Вы убеждены в твердости моего намерения. Прошу Вас прислать в ответ одно из двух слов: „да" или „нет"... Итак — „да" или „нет"».

6 февраля он пишет еще одно письмо — петербургскому генерал-губернатору князю А. А. Суворову, указывая ему на «тупость ума» членов Следственной комиссии, на то, что у большинства правительственных лиц отсутствуют два качества: «здравый смысл и знание правительственных интересов». Чернышевский просит навестить его. Он может указать «средство», как исправить «ошибку», допущенную теми, кто арестовал его. Он предупреждает Суворова: «Мои желания очень умеренны». Иными словами, арестованный предлагает правительству, арестовавшему его, условия, при которых он со-

гласен забыть обиду, нанесенную ему. Это письмо не дошло по назначению. Комендант крепости передал его не Суворову, а в III отделение и оттуда в Следственную комиссию, члены которой так блистательно охарактеризованы в нем. Письмо было подшито к делу. Его читал царь. Он не собирался «извиняться» перед Чернышевским. И члены комиссии и начальник жандармов знали это. Они понимали, что царь решится на все, лишь бы не выпустить преступника. А если улик нет, их надо создать. Любым путем. Не брезгуя подлогом и лжесвидетельством...

6 февраля Чернышевский уже непосредственно подошел к эпизоду, в котором главную роль играет Рахметов. В этот день он написал о значении людей, подобных его герою: «Это двигатели двигателей, это теин в чаю, букет в благородном вине, это соль соли земли».

* * *

Чернышевский все-таки добился своего. Ему было разрешено свидание с женой. Они встретились в специальном помещении крепости, после почти восьмимесячной разлуки, 23 февраля 1863 года. За это время он сильно изменился. Ольга Сократовна впервые увидела его с бородой («потешная!»). А на голове волосы были уже не такие густые, как прежде... И очень сильно похудел... Но шутил он все по-прежнему.

Встреча проходила, разумеется, в присутствии надзирателей. Об откровенном разговоре не могло быть и речи. Но из беседы с женой он узнал многое не только о родных и близких. Ведь с самого момента ареста он не знал, что делается на свете.

Просил же он об одном, чтобы она была весела и здорова. А о нем пусть не беспокоится: ему здесь хорошо. Только бы побольше книг, газет и журналов.

Свидание длилось около двух часов. А потом опять камера, мрачная и пустая. И работа. Его работа. Роман. Сегодня он пишет о четвертом сне Веры Павловны. Это глава о будущем, как он представляет его. И о любви, настоящей любви, возможной только у людей свободных и счастливых. И о смысле жизни, как он представляет его.

Он писал об обществе, где нет рабства, нет эксплуатации и унижения. Где машины и наука служат человеку. Где труд радостен, потому что это свободный труд. Где все люди равны — только в этих условиях и может жить настоящая любовь.

23 февраля, в день свидания со своей женой, из Алексеевского равелина Чернышевский обратился к своим современникам с пророчеством: «Будущее светло и прекрасно, любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, захватывайте из него в настоящее сколько можно захватить — настолько будет светла и добра, полна радости и наслаждения ваша жизнь, насколько успеете вы перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него! Приближайте его, переносите в настоящее, сколько можете перенести!».

Обращаясь ко всем людям, он хотел в этот день сказать в романе что-то очень хорошее и одному человеку — той, кому был посвящен роман, той, с кем он увиделся в этот день. Дать ей весточку из камеры, написать что-нибудь та-

кое, что будет понятно только им двоим. Напомнить о чем-нибудь дорогом и близком, что знают только муж и жена. Например, о том времени, когда они были еще жених и невеста...

Он писал о радости труда в будущем. Вера Павловна смотрит, как люди работают в поле и поют: «О, какая веселая работа! — восклицает она. — Этак и я стала бы жать! И все песни, и все песни — незнакомые, —нет, припомнили и нашу одну — помню ее:

> Будем жить с тобой по-пански.
> Эти люди нам друзья...».

«Нашу одну — помню ее». Ведь это устами Веры Павловны говорит сам Чернышевский. Это он помнит их песню. Ведь только что приведенные строки — из стихотворения Кольцова «Бегство». Из того самого, которое он читал невесте, когда подарил ей томик стихов любимого поэта. Так напомнил он ей о своем первом подарке. И о своей любви.

* * *

В Центральном государственном архиве литературы и искусства (ЦГАЛИ) в Москве хранится рукопись романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Это первоначальная черновая редакция. 59 больших полулистов, убористо исписанных с обеих сторон. На полях пометки с датами, которые дают возможность установить, когда был написан тот или иной эпизод романа.

На оборотной стороне полулиста № 36 23 января 1863 года Чернышевский сделал приписку: «Отсюда начинаю писать сокращенно, как писаны все мои черновые, — это я делаю

потому, что, надеюсь, Комиссия уже достаточно знакома с моим характером, чтобы знать, что в моих бумагах не может быть ничего противозаконного. Притом же, ведь это черновая рукопись, которая переписывается набело без сокращения. Но если непременно захотелось бы прочесть эти черновые страницы романа, я готов прочесть их вслух (это легче) или дать ключ к сокращениям». Остальная часть романа написана своеобразным шифром, выработанным Чернышевским еще в студенческие годы. Кроме русского алфавита, он использовал греческий, латинский и даже арабский. Некоторые буквы обозначали целые слова, наиболее часто встречающиеся. Так получили особые обозначения местоимения: она, всякий, мне, меня, мой; латинское V обозначало слово «истина»; а — делать; ас — однако и т. д. Особые обозначения существовали для глагольных окончаний. Иногда Чернышевский отбрасывал не конец слова, а его начало (м — сам), иногда он оставлял только первую и последнюю буквы (ка — книга), иногда несколько одних согласных или серединный слог. Все это приводило к тому, что прочитать его рукопись неподготовленному к дешифровке человеку просто невозможно. Именно так, для себя, в свое время записывались им конспекты лекций, писались дневники без опасения, что в них заберется нескромный глаз. Теперь так писался новый роман.

* * *

Черновая рукопись обрывается перед зимним пикником и появлением нового персона-

жа — дамы в трауре. Исследователи предполагают, что последние страницы романа были написаны прямо набело. Чернышевский торопился.

Описание пикника — это своеобразная «веселая песня с грустной нотой», подобная той, что пела Вера Павловна в начале романа. Отдельными намеками автор дает понять неизбежность той участи, что ожидает его героев. Дама в трауре — это живое напоминание Вере Кирсановой и Катерине Бьюмонт о том положении, в котором могут оказаться и они, напоминание об их будущей судьбе.

«Раза два Вера Павловна украдкою шепнула мужу: „Саша, что если это случится со мною?" Кирсанов в первый раз не нашелся, что сказать... И Катерина Васильевна раза два шепнула украдкою мужу: „Со мною этого не может быть, Чарли?". В первый раз Бьюмонт только улыбнулся, не весело и не успокоительно...»

Но дама в трауре не только напоминание о трагической судьбе новых людей. Она пример того, как должен вести себя этот новый человек, когда с ним случается нечто такое, что лучше прямо и не называть. Такое, что в настоящее время переживает жена автора Ольга Сократовна. Эта глава и для нее конкретное «что делать» — во что бы то ни стало не поддаваться унынию и уж ни в коем случае никому не показывать, когда тебе трудно и тяжело.

Ведь все было известно заранее.

Об этом они говорили еще женихом и невестой. Он напомнит ей тот разговор. Напомнит дама в трауре.

Она поет романс. Поет и комментирует.

«...к балкону, конечно, тайком, подходит мой жених... Я его очень люблю, и я ему пою:

Красив Брингала брег крутой
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют дневной,

потому что я знаю, днем он прячется, и каждый день меняет свой приют... он разбойник... „видишь, говорит, я плохой жених тебе":

О, дева, друг недобрый я;
Глухих лесов жилец;

совершенная правда, глухих лесов, потому, говорит, не ходи со мною,

Опасна будет жизнь моя,

потому что ведь в глухих лесах звери... Но все-таки я отвечаю свое:

Красив Брингала брег крутой
И зелен лес кругом;
Мне с другом там приют дневной
Милей, чем отчий дом.

— В самом деле так было. Значит, мне и нельзя жалеть: мне было сказано, на что я иду.»

В самом деле так было. Ольге Сократовне было сказано, на что она идет. Еще будучи женихом, он предупреждал ее: «... я жду каждую минуту появления жандармов, как благочестивый христианин каждую минуту ждет трубы страшного суда». Еще тогда он предупреждал ее, что будет «разбойником», революционером. «А чем кончится это? Каторгою или виселицею. Вот видите, что я не могу соединить ничьей участи со своей». Но она не испугалась. Вспоминая этот разговор, он записывал в свой дневник: «Тяжело было для меня говорить так, как я говорил с нею. Вместо любви, вместо восторга, вместо языка жениха — язык человека, который говорит: пожалуйста не решайтесь выходить за меня замуж!

Чем бы это могло кончиться? Этот разговор мог бы быть смертным приговором для моего счастья». Но она поняла чистоту его намерений — и он был счастлив: «Я не знаю равной тебе! Ты согласна — я счастлив!

Да будешь ты счастлива!

Моя жизнь будет посвящена твоему счастью!». Так он писал в дневнике десять лет назад.

И теперь он думает об ее счастье. О нелегком счастье «дамы в трауре», которая не ропщет на судьбу, а поет:

Мой милый, смелее
Вверяйся ты року!

Его роман не оборвется на грустном звуке.

Да разлетится горе в прах!

«Так и будет», — уверенно говорит дама в трауре.

Роман заканчивается короткой шестой главой «Перемена декораций». Дама в трауре уже не в трауре, а в ярком розовом платье. Она молода, красива и счастлива. Системой недомолвок и намеков Чернышевский дает понять читателю, что обозначает «Перемена декораций», которая принесет людям радость и счастье.

«Надеюсь дождаться этого довольно скоро». Это последняя фраза романа. Дальше в напечатанном тексте идет дата окончания работы. 4 апреля 1863 года.

«СОВРЕМЕННИК», 1863, № 1—2

> *«...Ему был послан «Современник» и, против ожидания, дошел. Он пишет, что прочел его от доски до доски».*
>
> (Из письма Е. Н. Пыпиной родным, 26 февраля, 1863)

Это был сдвоенный номер журнала за январь—февраль. Он был замечателен во многих отношениях. Начать с того, что это был первый номер, выпущенный в свет после длительного перерыва.

В июне 1862 года правительственным распоряжением издание «Современника» приостанавливалось на 8 месяцев. Такую меру наказания предусматривали новые царские установления. Введены они были недавно, и «Современник» вместе с «Русским словом» первыми испытали их на себе «вследствие замеченного в них (в журналах. — *В. С.*) систематического вредного направления и постоянных усилий к распространению вредных противурелигиозных и противуправительственных теорий» [22]. Редактора Н. А. Некрасова в то время в Петербурге не было. Замещал его Чернышевский. Он и отправился к А. В. Головину — министру народного просвещения. Дважды он беседовал с министром и ничего не добился.

«Надобно ли думать, — спросил Чернышевский, — что остановка издания „Современника" продлится действительно на весь восьмимесячный срок или она может быть отменена раньше?»

— Нет, раньше отменена не будет, — сказал Головин.

— По окончании восьмимесячного срока будет ли позволено продолжать издание, или надобно считать эту остановку равносильною решению уничтожить журнал?

— Да, — сказал министр, — я советую вам считать издание конченым и ликвидировать это дело.

Разговор произошел 18 июня, а 7 июля Чернышевского арестовали. Ему была уже неизвестна та огромная работа, которую проделал Некрасов, чтобы после окончания срока возобновить издание. Ему было неизвестно, на какие жертвы пошел ради этого Некрасов. А не пожертвовал ли Некрасов ради спасения «Современника» его направлением? Чернышевский в Петропавловской крепости не знал, что в проекте объявления о возобновлении журнала Некрасов написал: «„Современник" возвращается к делу с решимостью и полной надеждой сохранить в журналистике положение самостоятельное и независимое. Само собой разумеется, что он совершенно отказался бы от деятельности, если б ему предстояло осудить себя на бесхарактерную деятельность и безличное существование» [23].

Это был первый номер «Современника» за последние годы, подготовленный без участия Чернышевского.

Это был первый новый журнал, вообще попавший в его руки с момента ареста. Публицист и политик, он на целых семь месяцев оказался изолированным от внешнего мира.

Что делается на свете? Каково настроение его друзей и много ли их осталось на свободе? Он ничего не знал и «набросился на „Современник"», прочитал его от корки до корки, стараясь понять написанное между строк.

Чтение должно было убедить его: работа не прошла даром — и без него журнал продолжал его направление. Более того, хотя в номере не было ни единой его статьи, многие страницы так или иначе напоминали читателю о нем, о его судьбе, о его статьях, о его взглядах.

После восьмимесячного молчания книга открывалась именем Чернышевского. Уже обложка не давала забыть его, обещая со следующего номера печатать его новый роман.

СОВРЕМЕННИК
1863
№№ 1 и 2 (январь и февраль)
Для Современника, между прочим, имеется:
Что делать? роман Н. Г. Чернышевского (начнется печатанием с следующей книжки).

Далее анонсировались романы Н. Г. Помяловского и М. Е. Салтыкова и комедия А. Н. Островского.

«Современник» № 1—2 вышел в свет 9 февраля 1863 года, за 6 дней до первого разрешения к печати третьего номера, где начинал печататься роман. Анонс таким образом предвосхитил события, забежав вперед.

Это была одна из многих психологических акций воздействия на власти. Пропустив анонс,

они уже в какой-то степени, пусть очень незначительной, становились причастными к роману. Принципиально, пока только теоретически, они не возражали уже против возможности опубликовать произведение узника Петропавловской крепости.

Первая же статья показывала, что журнал остался верен своему направлению. Он открывался очерком П. И. Якушкина «Велик бог земли русской». Замечательный фольклорист, собиратель народных песен, Якушкин много времени провел среди народа, беседуя с крестьянами на дорогах, в деревенских избах, на ярмарках и в кабаках. Очерк его был посвящен отношению народа к «воле». Даже в изрядно потрепанном, урезанном виде он оставался серьезным обвинением против крестьянской реформы, вскрывая ее антинародный характер. Передавая разговоры с мужиками, Якушкин показал, что крестьянство не может быть удовлетворено «Положением». До 17 февраля 1861 года «толки крестьян вращались около одного пункта: земля будет наша. Они говорили, что землю „сам бог зародил", что барин и пахать-то не умеет — „что он с землей будет делать?"». Реформа обманула крестьянские надежды.

Сам язык царского манифеста был непонятен народу. Автор приводит в связи с этим несколько курьезных случаев: «В одном селе старик поп стал читать с амвона в церкви манифест; разбирал плохо, и, плохо разбирая, прочитал: „О сени... о сени... Нет, ребята! Осени себя крестным знаменем, православный народ"! Народ вообразил, что в манифесте сказано что-то о сене, чего священник не хочет читать».

В другом случае недоразумение вызвала фраза: «Пусть они (земледельцы. — *В. С.*) тщательно возделывают землю и собирают плоды ее». Ввело в заблуждение слово «плоды»: «Посеешь рожь, рожь и родится, а плодов все-таки не будет! Плоды в садах, а сады-то барские; а как плоды нам, стало и сады к нам отойдут!..».

Якушкин показал, что непонимание крестьянами текстов Манифеста и «Положения» — следствие того, что интересы крестьян не были удовлетворены, а это неизбежно вызывало бунты, которые оканчивались жестокой правительственной расправой с крестьянами. И они «поняли» дело так: о воле нельзя говорить вслух.

«— Ну, как, братцы, у вас воля идет? — спросил я раз в кабаке мужиков, сперва поподчивав их водкой.

— Что ты, брат! — отвечали мне с испугом мужики: — про волю не толкуй!

— Отчего же?

— Наказывать будут.

— За что же?

— ...Сказано тебе: об воле толковать никак не моги!.. Об воле станешь толковать, беспременно сечь станут!..»

Само слово «эмансипация» превратилось в народных устах в «сипацу». Освобождение от крепостной зависимости у мужика звучало так: «Крестьян „загоняли" в сипацу».

Вот такой статьей откликнулся «Современник» на вторую годовщину «воли».

Вслед за очерком Якушкина — стихи. Перевод с древнегреческого из Эсхила: последняя сцена из трагедии «Скованный Прометей». И хотя автор этой трагедии жил и писал более

двух тысяч лет назад, стихи его звучали очень актуально. Особенно здесь, в Алексеевском равелине Петропавловской крепости.

Слова Прометея пророчествовали не только Зевсу.

Пусть царствует покуда, тешась властью,
Своим воздушным громом величаясь!
Пусть ярко прыщут из его руки
Губящих молний огненные стрелы!
Ничто уж не спасет его; никто
От страшного позора не удержит
И гордого паденья...

Прикованный к скале Титан гордо и смело отвечает «холопу Зевса» Гермесу:

Плачевной доли — знай ты это! — я
Отнюдь не променяю на твое
Служенье Зевсу. Нет, милей мне этой
Скале служить, чем быть, как ты, усердным
И преданным рассыльным Зевса. Так-то
Должны мы вам, противникам всего,
Противиться.

Чернышевский тоже не променяет **свою** плачевную долю на служенье «Зевсу». Противникам всего противиться — хорошо сказано.

Автором перевода был некто Мих. Илецкий. Знал ли, догадался ли Чернышевский, что за этим псевдонимом скрывается имя его друга Михаила Михайлова, сосланного российским Зевсом XIX века на каторгу в Илецк.

Уже после выхода журнала, в июле 1863 года, управляющий III отделением Потапов заинтересовался этим стихотворением, решив выяснить, «доставлена ли помянутая статья из Сибири» [24]. Да, ее переслала Л. П. Шелгунова,

добровольно отправившаяся в Сибирь за возлюбленным — М. И. Михайловым. Но редакторам «Современника» удалось скрыть это, указав, что «Статья „Скованный Прометей" — перевод из трагедии Эсхила (давность времени — 2 000 лет!) — осталась в бумагах редакции от времени сотрудничества Михайлова».

Античностью воспользовался и М. Е. Салтыков-Щедрин, чтобы в этом же номере напомнить о судьбе самого Чернышевского. Разбирая труд Н. Костомарова о Кремуции Корде, он пересказывает его так, что судьба этого римского историка очень напоминает судьбу русского писателя: «Историк Кремуций Корд обвиняется в том, что в сочинении своем „Анналы Римской Республики" написал похвалы Бруту... Отыскиваются наемные обвинители; жертва заранее облюбована и заранее обречена, но Тиверий хочет, чтобы она была обречена на законном основании...».

Щедрин приводит слова костомаровского Тиверия: «Я преследую благородного человека и уверяю всех, что он негодяй, — и все верят этому и величают меня добродетельнейшим и справедливейшим... Уже в Риме мало остается благородного и высокого: — я начинаю стравливать доносчиков между собою; а когда эти собаки перегрызутся и заедят друг друга, — я отпущу узду своей власти, дам римлянам подышать свободнее, начну покровительствовать литературу...». «Трудно поверить, — восклицает в заключение Щедрин, — чтобы могли быть такие времена! А между тем они были: в том убеждает нас летопись Тацита».

Если бы только летопись Тацита...

Читая журнал, Чернышевский постоянно наталкивался на материалы, которые так или иначе перекликались с его делом. В статье «Процессы о печати в Австрии» рассказывалось о многочисленных беззакониях, творимых в этой стране. Автор статьи А. Н. Пыпин объяснял эти беззакония тем, что «суд бюрократический остался по-прежнему под прямым влиянием правительства, и оно могло проводить через него все меры, какие бы вздумало принять против враждебной журналистики. Этот недостаток общественной свободы, которую обещала конституция; это двусмысленное положение, в котором до сих пор находится национальная равноправность и свобода общественного мнения в печати, чрезвычайно ясно высказывается в тех процессах о печати, которыми в последние два года наводнены были австрийские суды». Не нужно иметь проницательности Чернышевского, одного из «основоположников» русского эзоповского языка, чтобы понять, что автора статьи больше всего волнует положение дел не в Австрии.

В этом номере журнала можно было встретить не одну ссылку на статьи Чернышевского без упоминания его имени.

Сотрудники «Современника» находили множество способов сказать, что и без Чернышевского журнал верен прежнему направлению.

В номере было напечатано стихотворение А. Плещеева.

В лесу

Шумели листья под ногами,
Мы шли опушкою лесной.
Роса над спящими лугами
Ложилась белой пеленой.

Мы шли. Он молод был. Звучала
Отвагой пламенная речь.
Он говорил: «Пора настала,
И стыдно нам себя беречь.
Дружней приняться за работу
Должны все честные умы,
И лжи, и зла двойному гнету
Довольно подчинялись мы...
...Пускай толпа за подвиг смелый
Нам шлет бессмысленный укор;
Не бросим мы святого дела!
Мы встретим радостно позор!»...
...Он замолчал... А лес сосновый
Кивая, ветви простирал,
Как бы его на труд суровый,
На путь святой благославлял.

Это были стихи о клятве поколения.

Чернышевский просил родных прислать ему еще новых газет и журналов. Не только «Современник». Не только слово друзей. Это была попытка разорвать в тюремной одиночке круг одиночества. И родные, в первую очередь А. Н. Пыпин, моментально откликнулись на его просьбу. Для передачи ему была подготовлена новая партия газет и журналов: «Санктпетербургские ведомости», шестнадцать номеров за 1863 год, политическая газета «Очерки», двадцать номеров, отдельные номера «Северной пчелы», английская газета «Evening Mail», двадцать номеров, журналы «Отечественные записки» (август, 1862) и «Время» (октябрь и ноябрь, 1862).

Но тюремное начальство уже поняло, какую оплошность оно допустило, и управляющий III отделением отдал распоряжение коменданту Петропавловской крепости: «Имею честь уведомить Ваше превосходительство, что высочайше учрежденная Следственная комиссия признает разрешение ему (Чернышевскому. — *В. С.*) в

настоящее время чтения современных журналов неудобным» [25].

Приоткрывшееся было окно в мир снова оказалось наглухо заколоченным.

Была сделана еще одна попытка передать Чернышевскому новые номера «Современника». Предпринял ее на этот раз сам Н. А. Некрасов в 1864 году. Сохранилась его записка И. А. Панаеву, который заведовал хозяйственными и финансовыми делами «Современника» [26]:

«Прошу Ипполита Александровича выдать бесплатно в пользу арестантов для крепостной библиотеки:

1 экземпляр «Современника» за 1861 год
1 экзем. за 1862
1 экз. за 1863 год.

Н. Некрасов».

Неизвестно, как отнеслось начальство крепости к этому подарку. Удалось ли пополнить тюремную библиотеку журналом Некрасова, Чернышевского и Салтыкова-Щедрина, держал ли в руках «арестант № 11» книги «Современника» за март, апрель, май и другие месяцы 1863 года.

СКВОЗЬ ИГОЛЬНОЕ УШКО

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Н. А. Некрасов. Чернышевский (Пророк).

Велик и прекрасен город Санкт-Петербург — столица Российской империи. Прямы его проспекты, затейливы решетки оград, высоки каменные жилища. Полноводна река Нева и величественна ее набережная. Здесь торжественно, словно на парад, выстроились великолепные дворцы царских вельмож, и среди них — самый великолепный Зимний дворец — резиденция русских царей.

А если от Зимнего отвернуться (это еще Пушкин заметил), сразу перед твоими глазами встанет шпиль Петропавловской крепости.

И перед всяким, кто так или иначе выражал свое пренебрежение к царскому дворцу, вставал призрак Петропавловской крепости. «Твердыней власти роковой» назвал поэт это грандиозное сооружение. Неприступны бастионы, крепки запоры, строги начальники, неподкупны часовые. За всю историю существования Петропавловской крепости не было ни одного случая удачного побега. Зоркий глаз тюремщиков преду-

смотрел все: и постоянную сменяемость всей караульной команды, и неослабный надзор за заключенным в глазок камеры, и прочность решеток, и высоту стен.

Роковая власть верит в свою твердыню. Ни один человек не выйдет отсюда, если на это не будет ее, власти, соизволения.

Но чего не смог сделать человек, смогла книга — материализовавшаяся сила мысли и воли человека.

Преодолев все замки и запоры, усыпив все недреманные ока, она вырвалась на волю, и друзья заключенного снова услышали его слово, как будто и не покидал он их, и еще более страшен и ненавистен стал он своим врагам.

Как же случилось, что из страшной цитадели царского самодержавия мог вырваться на свободу голос революционера — страстный гимн во славу грядущего, проповедь социализма и призыв к революции. И ведь это была не записка, не письмо, не краткое воззвание, а роман объемом более чем в двадцать печатных листов.

Этот вопрос неоднократно ставили перед собой исследователи. Многое сделали для его решения М. Лемке, В. Евгеньев-Максимов и др. Тем не менее до сих пор эта загадка не получила своего окончательного решения. Попытаемся еще раз разобраться в том, что произошло.

Судебная практика царской России имела многовековой опыт самодержавного произвола в расправе с неугодными правительству лицами, особенно литераторами. Причем у каждого государя были свои излюбленные методы и приемы. Екатерина II без суда посадила

Н. И. Новикова на 15 лет в Шлиссельбургскую крепость. Александр I выслал Пушкина из Петербурга, сначала на юг, потом в Михайловское. Особенно изощрен в расправах был Николай I: Чаадаева он объявил сумасшедшим, Лермонтова приказал «убрать», Шевченко отдал в солдаты с запрещением писать и рисовать, с петрашевцами разыграл страшную комедию расстрела...

Время Александра II требовало новых методов. Произвол и теперь «оправдывал» себя в тех случаях, когда его можно было применить. Например с поручиком Михаилом Бейдеманом. Он был арестован в 1861 году, по возвращении из-за границы, где работал наборщиком в лондонской типографии Герцена. При обыске у него были найдены клочки «возмутительного (т. е. призывающего к возмущению, бунту) манифеста». Сам он объявил, что собирался убить царя и совершить переворот. Александр II-Освободитель приказал оставить Бейдемана в равелине «до особого распоряжения». Особого распоряжения не последовало, и узник, просидев без всякой судебной процедуры в одиночке 20 лет, в 1881 году был переведен в Казань в больницу для душевнобольных, где и окончил свои дни. Но Бейдеман был никому неизвестным юношей. Его исчезновение было подготовлено им самим, его тайным отъездом за границу.

Другое дело Чернышевский — один из самых популярных и влиятельных литераторов. Здесь произвол должен был облечься в форму справедливости, законности и правосудия.

А это было для правительства внове. И первый блин, как известно, всегда комом.

Дело осложнялось тем, что существовали разные точки зрения на то, как бороться с людьми, подобными Чернышевскому, как производить аресты. Петербургский генерал-губернатор кн. Суворов вообще был противником таких мер, как необдуманный арест. Он считал, что арестовывать можно только «спелых», т. е. нужно ловить «с поличным». Если же уверенности, что потенциальный арестант «созрел» для ареста, нет, то во избежание конфуза «с арестованием необходимо обождать». «Я законною силою задавлю революцию», — любил говорить Суворов.

Управляющий III отделением Потапов рассчитывал, наоборот, неожиданным арестом захватить «преступника» врасплох и во время обыска получить недостающие компрометирующие арестованного материалы.

После непродолжительных споров победила точка зрения Потапова, и Чернышевский был арестован. Но обыск, как известно, не оправдал себя. Никаких дополнительных улик не оказалось. К январю 1863 года дело не подвинулось ни на иоту. Конфуз был полный. Как говорил Чернышевский: «Казус».

В эпоху Николая I «казуса», вероятно, не произошло бы. Несомненно, был бы найден способ убрать Чернышевского быстро, без обременительных для правительства проволочек. Но в век «гласности и правосудия» необходимо было соблюсти приличный декорум законности. А этого-то как раз делать и не умели. Опыта не было. Положение Следственной комиссии было незавидным.

А заключенный не щадил своих тюремщиков, ставя перед ними все новые и новые допол-

нительные задачи, как будто перед ним мудрый Эдип, а не члены Следственной комиссии, которым он же сам дал убийственную характеристику.

Шаг за шагом отвоевывал он у противника позиции. Сначала он добился разрешения продолжить начатый еще на свободе перевод «Всемирной истории» Шлоссера. Действительно, почему не разрешить? Что может быть криминального в труде этого основательного немца? Когда перевод XV тома был закончен, он был передан через Следственную комиссию А. Н. Пыпину. Это был первый пробный камень: рукопись из равелина была переслана на волю. Значит, существует такая возможность.

Потом узник попросил разрешения «продолжать начатый им беллетристический рассказ» [27]. Роман «Что делать?» начат 14 декабря, а просьба датирована 20 декабря. Форма просьбы очень неясная: когда начат — еще на свободе, как и Шлоссер, или уже здесь, в тюрьме, и начат без особого на то разрешения. Комиссия не обратила внимания на такие тонкости и дозволила «продолжение сего рассказа». Так постепенно Чернышевский «приручал» комиссию, подготовляя ее к факту появления романа. Работа была легализована, а если роман пишется, то рано или поздно встанет вопрос о его дальнейшей судьбе. И вопрос этот возник очень быстро, менее чем через месяц. 15 января 1863 года Следственная комиссия получила первые главы романа, того самого, что писался с ее разрешения. Автор романа находился в Петропавловской крепости, но у самих членов комиссии в это время не было уверенности в том, что уда-

ется доказать его вину и осудить. Чернышевский передавал содержание своей беседы с некоторыми членами комиссии (беседа проходила уже в феврале). Один из членов комиссии заявил ему тогда, что обвинений против него нет и быть не может: «Это такой случай, как против меня (т. е. члена комиссии. — *В. С.*) могли быть подозрения в убийстве» (Чернышевский со свойственной ему иронией добавляет в скобках: «уверен, что действительно против лица, говорившего с ним, могли бы быть только вздорные подозрения в убийстве, из которых никак не могло бы произойти никакого обвинения») [28].

И вот перед членами комиссии рукопись — первые главы романа. Что с этой рукописью делать? И не было еще такого прецедента, на который можно было сослаться. Впервые заключенный находился столь длительный срок в предварительном заключении в ожидании суда и приговора, обойтись без которых (как с Бейдеманом) в данном случае было невозможно. Впервые заключенный использовал время пребывания в Алексеевском равелине столь необычно — за писанием романа. И тем не менее надо было решать. И решение было принято обтекаемое. Следственная комиссия поручала своему члену рассмотреть рукопись с тем, чтобы, если в ней не окажется «ничего подозрительного», выдать ее для печатания «с соблюдением общих правил».

Таким образом, судьба рукописи по существу была решена до ее прочтения. Произведение, созданное в Алексеевском равелине, если в нем нет «ничего подозрительного», будет печататься

на общем основании, как любое произведение любого российского литератора. Но что означает слово «подозрительное»? Толковать его можно по-разному, но если цензура все равно еще будет просматривать роман, то член Следственной комиссии должен рассмотреть полученную им рукопись только с точки зрения процесса. Роману предъявили те же мерки, что и письмам к жене, и, с точки зрения незадачливых детективов, письма оказались более криминальными.

На предмет «подозрительного» первые главы должен был рассмотреть действительный статский советник Каменский. Это был самый первый читатель «Что делать?». Интересно было бы познакомиться с ним поближе. Но в документах, в которых упоминается его фамилия, даже не указаны имя и отчество, даже нет инициалов. Это привело к тому, что М. Лемке, изучавший процесс Чернышевского, допустил несколько неточностей в изображении этого лица. Он, например, пишет, что впоследствии этот Каменский был членом Совета главного управления по делам печати [29]. Действительно, в конце 60-х — начале 70-х годов такую должность занимало лицо с такой фамилией. Это был Дмитрий Иванович Каменский, журналист, редактор газеты «Голос», которого связывали давние узы близкого знакомства с Н. А. Некрасовым. И хотя это не означает, что взгляды Чернышевского были ему близки, было бы довольно соблазнительно увидеть в Следственной комиссии человека, о котором Некрасов еще в начале 50-х годов писал, как о «человеке хорошем» [30]. Готовая «интрига» как бы сама лезла в руки.

И тем не менее от нее пришлось отказаться. В документах по делу Чернышевского не указаны инициалы Каменского, зато указано то, что в те времена было гораздо важнее, — чин — действительный статский советник. Дмитрий Иванович такого чина в 1863 году еще не имел. Такой чин был у другого Каменского. Установить это оказалось нетрудным по Адрес-календарю на 1863 год, в котором приводится «общая роспись всех начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи». Вот по этой общей росписи и удалось найти единственного в 1863 году действительного статского советника среди Каменских — Александра Васильевича Каменского — чиновника особых поручений III (жандармского) отделения. Так обнаружилась и другая ошибка Лемке, писавшего, что в Следственной комиссии Каменский представлял Министерство внутренних дел. Все по тем же Адрес-календарям удалось установить, что он действительно служил долго в Министерстве внутренних дел, одно время был директором департамента железных дорог в Главном управлении путей сообщений и публичных зданий, но с 1857 года и до самой смерти в 1868 году Каменский служил в III отделении. И поэтому нельзя согласиться с М. Лемке, что этот чиновник «был довольно опытным в делах цензуры, которая предполагала и знание литературы».

Но в главном М. Лемке прав, охарактеризовав этого человека, как «безличного чиновника». В сущности, таким и должен быть жандарм. И ему ли было разобраться в рукописи, попавшей волею судеб в его руки.

Читая главы с таинственным самоубийством, рассказ о том, как мать плохо обращалась с дочерью и как дочь полюбила студента и вышла за него замуж, Каменский действительно не мог найти в романе никакого криминала. Тем более, что он был чиновник; и психология у него была чиновничья, и он помнил, что после него рукопись еще пойдет к цензору — таково было решение Следственной комиссии еще до того, как он начал читать. И он читал, будучи твердо уверенным, что ответственность лежит на нем невеликая. А это самое главное (дальнейшая история подтвердила это: если цензор романа был уволен в отставку, то Каменский вскоре после окончания процесса Чернышевского, в 1866 году, получил повышение — чин тайного советника).

10 дней находились первые главы в руках Следственной комиссии. Наконец, 26 января рукопись была послана обер-полицмейстеру, который передал ее А. Н. Пыпину. С правом напечатать. Конечно, с соблюдением установленных правил цензуры.

Почин был сделан. Путь был открыт. 12 февраля Чернышевский передает в комиссию новую «порцию» — следующие 35 полулистов, до четвертой главы. Эта часть, посвященная организации швейной мастерской, второй любви Веры Павловны и, наконец, рассказу об «особенном человеке» Рахметове, — намного «острее» первой. Но все зависит от точки зрения. В конце концов в устройстве мастерской нет еще никакого противуправительственного акта, любовный треугольник — тема в романах не новая, а фигура Рахметова... так автор сам же объясня-

ет ее появление какими-то туманными соображениями о художественности.

Трудно сейчас сказать, так или иначе думал Павел Николаевич Слепцов, свиты его императорского величества генерал-майор, член Следственной комиссии от Военного министерства, которому было поручено прочитать вторую часть рукописи. Но факт остается фактом: вскоре и она была в руках Пыпина.

Слепцов шел уже по проторенной дорожке. Если в романе не нашел ничего «подозрительного» жандарм Каменский, то стоит ли особенно утруждать себя ему, Слепцову, блестящему лейб-гусару. Здесь уже начинал действовать закон инерции.

В конце марта (26, 28 и 30) комиссия получает продолжение романа и, наконец, 6 апреля — его окончание. Вскоре у редакции «Современника» был полный текст нового романа.

Первое сражение выиграно.

Чернышевский проявил себя замечательным стратегом. Композиция романа была построена так, что политическая острота произведения непрерывно возрастала по мере того, как роман приближался к своему завершению. Каждая новая часть рукописи, посланная в Следственную комиссию, содержала в себе нечто такое, чего не было в предыдущей. Если ввести вакцину в очень большом количестве, возможен летальный исход, в малых же дозах она вырабатывает в организме иммунитет, т. е. невосприимчивость к болезни. Чернышевский тоже вырабатывал у комиссии «невосприимчивость», постепенно увеличивая дозу «опасного». Лишь прочитав роман до конца, читатель поймет социалистиче-

ский идеал автора, поймет, что за светлое будущее надо бороться, поймет, что подлинными новыми людьми Чернышевский считает только революционеров, что на их пути он видит много трудностей, много слез и страданий, и тем не менее — это единственный путь, который может принести человеку уже в настоящем радость и счастье. В конце романа — маленькая шестая главка «Перемена декораций». Рядом иносказаний Чернышевский говорит в ней о приближающейся революции. Он даже назначил ей срок — 1865 год. «Надеюсь дождаться этого довольно скоро», — это последняя фраза романа. Революционная кульминация всего произведения приходится на самый его конец.

Посылая заключительные страницы, Чернышевский сопроводил рукопись заметкой для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова. В ней он обещал вторую часть романа и в связи с этим давал некоторые пояснения к концу первой. Дама в трауре — это та самая вдова, которую Рахметов спасает в третьей главе. Основным содержанием второй части будет устройство судьбы дамы в трауре и Рахметова. «Рахметов и дама в трауре, — писал он, — на первый раз являются очень титаническими существами; а потом будут выступать и брать верх простые человеческие черты, и в результате они оба окажутся даже людьми мирного свойства и будут откровенно улыбаться над своими экзальтациями» [31]. В своей записке Чернышевский обещал во второй части «снижение» образа Рахметова, некоторое его «развенчание».

После «Что делать?» Чернышевский написал большое количество художественных произведе-

ний. Нам известны его наброски, неоконченные повести, отрывки, но среди всего этого богатства ничего не напоминает второй части романа «Что делать?» Скорее всего, Чернышевский и не собирался ее писать.

А заметка? Заметка была вещью очень нужной и полезной. Ведь до Пыпина и Некрасова ее наверняка прочтут в Следственной комиссии. Пусть они еще раз убедятся, что главное в романе — это любовная интрига, и автор даже собирается эту интригу продолжить. «Перемена декораций» при таком объяснении приобретала совершенно другой смысл; она становилась лишь «мостиком» для второй части, подготовляя «любовные» приключения ее героев. Заметка должна была направить ищеек по ложному следу, в этом ее единственный, но немалый смысл.

* * *

Итак, роман в портфеле «Современника», и Следственная комиссия разрешила его напечатать с соблюдением общих правил.

Вся литературная биография Н. Г. Чернышевского — постоянная война с царской охранкой в литературе. А «На войне, как на войне: бывают раненые, бывают и убитые». Но Чернышевский не боялся жертв. Вновь и вновь его статьи геройски штурмовали царские твердыни, истекая кровью вырезанных страниц или погибая под ударами полного запрещения. Но война научила обращению с врагом, создала специфические методы борьбы, вооружила писателя необходимым в данных условиях оружием.

Одним из главнейших средств был иносказательный, эзоповский язык, хорошо понятный

современникам, тем не менее постоянно сбивающий охранителей с толку. Однажды Чернышевский сам сформулировал свою тактику: «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею...» [32]. Эзоповским языком он владел в совершенстве. Он не напишет «бунт», а скажет: «попытка отомстить без соблюдения формальностей», он не употребит слова «революция», а заменит его словами: «эпоха одушевления» народа, «минута одушевления» или «светлые эпохи одушевленной исторической работы». Он не назовет «революционеры», но «люди, имеющие в себе силу инициативы».

Теперь в романе, написанном в Петропавловской крепости, эзоповский язык был тем оружием, которое должно было бить без промаха. Говоря о революционной борьбе и революционерах, о социализме и свободе, Чернышевский нигде не употребляет таких слов, всегда находя им нужный эквивалент.

В борьбе за произведение нередко использовались те, кому надлежало ставить заслон на пути прогрессивного слова. Ведь эти люди, попадая в бюрократическую машину, становясь ее деталью, винтиком, меньше всего склонны подчинять этой машине свои личные интересы. Наоборот, как правило, в самой машине каждый из них видит лишь средство достижения своих винтиковых интересов. Винтик всегда можно «смазать». Если интересы винтика придут в противоречие с интересами машины, он не задумываясь предаст эту машину. Винтик бюрократического аппарата всегда возможно купить, и в борьбе с бюрократическим государ-

ством было бы нецелесообразно пренебрегать этой особенностью его представителей.

Редакция «Современника» нередко пользовалась и этими средствами борьбы. Чернышевский принимал в ней самое активное участие. На какие только уловки не приходилось идти, чтобы цензор менее внимательно читал рукопись. Вот один из практиковавшихся приемов. К цензору Ф. И. Рахманинову приходят Панаев и Некрасов. Заводится светский разговор: о новостях в свете, модных скандалах, последних анекдотах, остроумных «мо» и т. д. Вскоре появляется Чернышевский с просьбой быстрее прочитать и подписать корректуру. Рахманинов садится за работу, но Панаев продолжает свою светскую болтовню. Чернышевский даже «просит» его не мешать Федору Ивановичу, но Панаев не унимается. Само собой, в такой обстановке нет у Рахманинова требующейся в его деле внимательности. И, бывало, проскакивало...

Были и более простые, но вместе с тем более верные способы воздействия: обеды, солидный проигрыш в карты, а то и вовсе ничем не прикрытая взятка. Когда М. Н. Турунову надо было за границу, он взял у Некрасова 1500 рублей. Другой раз он просил еще столько же, так как иначе «не может давать вечеров». Эти факты относятся к более позднему времени (1869—1872). Но если он так уверенно забирался в карман Некрасову, то, видно, не первый раз. М. Н. Турунов был человеком «нужным»; он состоял членом Совета министра внутренних дел, занимал пост председателя С.-Петербургского цензурного комитета (1864—1865), был членом Главного управления по делам печати

(с 1866), начальником отдела перлюстрации III отделения, сенатором. В 1862—1864 годах он был членом Следственной комиссии по делу Н. Г. Чернышевского...

Когда печатался в «Современнике» роман «Что делать?», цензором журнала был Владимир Николаевич Бекетов. Он снискал себе славу человека «простого и благожелательного». По словам Некрасова, это был «самый лучший» цензор. В. Н. Бекетов любил покрасоваться своим либерализмом и неустрашимостью. Както в присутствии студента Н. А. Добролюбова он рассказывал о том, как получал из-за границы запрещенные книги в обертке от басен Лафонтена или под видом различных каталогов, которые не просматривались. Н. А. Добролюбов считал, что либерализм его идет от глупости. Но так или иначе Бекетову надо поставить в заслугу спасение целого ряда статей в «Современнике», пропуск Собрания стихотворений Некрасова совершенно без вымарок. Он привык к взысканиям, нагоняям, даже к временным отстранениям от должности.

Некрасов как издатель журнала часто устраивал званые обеды. Собирались писатели, сотрудники «Современника», кое-кто из светских «окололитературных» «нужных» людей. Бекетов был на этих обедах непременным гостем. С выходом очередного номера журнала он обычно говорил Некрасову и Панаеву: «После трудов надо, господа, и отдохнуть. Я завтра приеду обедать к вам, только по-семейному, чтобы можно было побеседовать по душам». На этих обедах бывал и Чернышевский. Он не любил шумных торжественных трапез, но бывать на

таких считал своим долгом. Ему вменялось в обязанность развлекать Бекетова, быть «усладителем его одиночества приятными разговорами». Это нужно было для дела: «в исполнении этой роли, — вспоминал он, — и состоял для меня мотив бывать на этих обедах» [33].

Вспоминая о Бекетове, А. Я. Панаева, близкая к Некрасову и его журнальным делам, намекала на то, что бекетовский либерализм обходился издателям недешево. По ее словам, Бекетов «имел вещественные доказательства дорогой оценки своей особы» [34]. Вот к этому человеку и попала рукопись Чернышевского.

К сожалению, беловая рукопись романа утеряна. Поэтому можно только гадать, как сильно прошелся по ней Бекетов. Сам он говорил, что не любит пестрить рукопись красными чернилами, уж лучше совсем не пропускать.

Так или иначе Бекетов подписал мартовский номер «Современника» с двумя первыми главами романа, подписал дважды: 15 февраля и 14 марта (второй раз за пять дней до выхода журнала).

19 марта третий номер «Современника» за 1863 год вышел в свет.

Роман (вернее, первые две главы) был подвергнут анализу. Осип Антонович Пржецлавский, член Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания, пока не видел в романе опасности. Он считал, что новое произведение г. Чернышевского явилось ответом на известное произведение «Отцы и дети» и «имеет составлять противовесье характеристике нигилизма, воплощенной Тургеневым в лице Базарова... Лопухов г. Чернышевского — в главных чертах

тот же Базаров, дополненный и облагороженный побуждениями высшей гуманности, которая, по мнению автора, и есть отличительная черта новых людей (они же и нигилисты, как должно подразумевать)» [35]. Он не находил содержание романа предосудительным. Более того, он признавал утешительным сам факт, что «нигилизм сознает потребность очиститься от возводимой на него характеристики чистого цинизма». В общем, Пржецлавский предлагал занять выжидательную позицию: «Окончательное решение о внутреннем достоинстве романа „Что делать?" должно отложить до выхода последней части». Отзыв был написан 24 апреля 1863 года после того, как 20 апреля было получено разрешение к печати на 4-й номер «Современника». 28 апреля журнал вышел в свет. Здесь была напечатана третья глава романа «Замужество и вторая любовь». Именно третья глава заканчивается рассказом об «особенном человеке» Рахметове. В своем втором отзыве Пржецлавский более решителен. Теперь его речь дышит ненавистью и непримиримостью. В романе он увидел «профанацию божественного начала» и «извращение идеи супружества». По его мнению, содержание романа «противно коренным началам религии, нравственности и общественного порядка»; он считал, что «сочинение, проповедующее такие принципы и воззрения, в высшей степени вредно и опасно».

Пржецлавский думал, что часть романа, напечатанная в апрельской книжке «Современника», является заключительной частью. Но в следующей, майской, книжке появились новые главы романа. На них нет отзыва Пржецлавского.

Но есть приказ по министерству внутренних дел от 7 июля 1863 года [36]. Этим приказом был уволен действительный статский советник Бекетов.

Бекетов отнесся к этому приказу философски.

«Выход мой в отставку, — писал он Некрасову, — и своевременен и хорош (ему было в то время 54 года. — *В. С.*)... Но одно гадко: семья моя велика, а средства очень и очень слабы, и ежели мне не дадут пенсиона, который, впрочем, обещали, мне, кажется, ничего не останется, как удавиться.

У слуги Вашего покорного теперь, например, всего в кармане 21 рубль, а кормить приходится каждый день... до 15 голов.

Просто ум за разум заходит» [37].

Кажется, намек очень прозрачный. Бекетов снова хочет, чтобы его труд «ценили». А может быть, именно в этом и кроется разгадка того, как Бекетов пропустил такой опасный роман.

Через 15 лет после описанных событий Бекетов делился воспоминаниями с казанским краеведом Н. Я. Агафоновым. Последний записал в своем дневнике его рассказ. После выхода романа в свет «принялись отыскивать виновных в пропуске. Прежде всего притянули за цугундер Бекетова и Рахманинова (здесь, видимо, память изменила Бекетову, так как «Современник» в то время подписывал он один. — *В. С.*). „Помилуйте, — отвечают эти. — Мы читали и пропускали только то, что дозволено 3-им отделением". А 3-ье отделение говорит: нам нет дела до содержания романа: на это существует персонал цензоров. Мы только со своей стороны

проверяли, нет ли чего против верховной власти — и вообще, в какой мере благонадежны умозаключения и убеждения автора.

С обеих сторон признали резон и вину взвалили на одного Чернышевского. Занялись энергичнее его судом и упекли на каторгу» [38].

Следует предположить, что действительно была такая междуведомственная перепалка, когда каждая инстанция пыталась свалить вину с себя на плечи другого. Возможно, «хитрец» Бекетов и ссылался на шнуры III отделения, но это была попытка выгородить себя, а никак не настоящая причина разрешения к печати.

Знаменательна заключительная часть этого рассказа: вину взвалили на одного Чернышевского.

Так оно и случилось.

Итак, автор романа «Что делать?» победил. Из камеры Алексеевского равелина голос писателя вырвался на свободу, и его услыхала вся Россия. Да и не только Россия.

Но победа эта досталась дорогой ценой. Для Следственной комиссии и Сената роман послужил еще одной уликой против Чернышевского. Веской уликой. В приговоре было сказано: «Чернышевский будучи литератором и одним из главных сотрудников журнала „Современник", своей литературной деятельностью имел большое влияние на молодых людей, в коих, со всею злою волею, посредством сочинений своих развивал материалистические в крайних пределах и социалистические идеи, которыми проникнуты сочинения его, и, указывая в ниспровержении законного правительства и существующего

порядка средства к осуществлению вышеупомянутых идей, был особенно вредным агитатором, а посему Сенат признает справедливым подвергнуть его строжайшему из наказаний».

* * *

Используя провокаторов, фальшивки и лжесвидетельства, Следственная комиссия и Сенат признали Чернышевского виновным: «За злоумышление к ниспровержению существующего порядка, за принятие мер к возмущению и за сочинение возмутительного воззвания к барским крестьянам и передачу оного для напечатания в видах распространения — лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в рудниках на 14 лет, и затем поселить в Сибири навсегда».

Александр II наложил на приговор резолюцию: «Быть по сему, но с тем, чтобы срок каторжной работы был сокращен наполовину».

20 мая 1864 года Чернышевский покидал Петропавловскую крепость. Впереди 20 лет каторги и ссылки: Кадая, Александровский завод, Вилюйск.

«ЧТО ДЕЛАТЬ?», ЖЕНЕВА, 1867.

...Приятная новость, что сочинения Чернышевского будут напечатаны в Женеве: до сих пор явились 3 тома; один из них «Что делать?»". Издатель Чернышевского эмигрант Элпидин, истый поклонник Чернышевского. Он собирается к лету выпустить четвертый том...

Я приобрел только первый и третий, с замечаниями Чернышевского на политическую экономию Милля; остальные не имеют значения особенно при тех затруднениях, которые я должен буду встретить на таможне».

Из письма Кононовича студенту Э. К. Валицкому в Одессу. Женева, 5 мая, 1869 г.
(подчеркнуто в III отделении жандармами, перехватившими письмо, ЦГАОР, фонд 109, опись 1, № 345)

Впервые с именем Элпидина царские чиновники столкнулись еще в 1861 году, в связи с бездненскими событиями. Это было самое громкое столкновение правительства с крестьянами вскоре после отмены крепостного права. Произошло оно в селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии. Крестьянин Антон Петров «дочитался до чистой воли», увидев в «Положении» то, что ему хотелось. Запутавшись в сложном крючкотворстве этого документа, он пришел к заключению, что крестьяне уже с 1859 года совершенно свободны. Весть о «вычитанной воле» быстро распространилась по окрестным се-

лам и деревням. Крестьяне отказывались работать на помещиков. Были вызваны войска, и солдаты в упор расстреливали безоружную толпу людей, не пожелавших выдать «зачинщика» — Антона Петрова. Но Антон сам встал перед войском, держа на голове царское «Положение». Его схватили и по приговору уголовного суда 19 апреля 1861 года расстреляли. Расстреляли здесь же в Бездне на глазах односельчан.

А 18 апреля спасский земский исправник Р. В. Шишкин рапортовал казанскому военному губернатору П. Ф. Козлянинову, что им задержаны исключенный из казанского университета студент Клаус и студент Элпидин, прибывшие в Бездну сего числа (18 апреля). Этот рапорт Шишкин послал в ответ на предписание губернатора, кем-то предупрежденного о поездке Клауса, «обратить главное внимание на наблюдение за неблагонадежными подстрекателями крестьян и солдат» [39].

Задержанные были допрошены и признались, что в Бездну Элпидин приехал «из любопытства, узнать о случившихся тут происшествиях». Впрочем, как рапортовал Шишкин, он и Клаус «ни в чем предосудительном» замечены не были, и Элпидин вскоре вернулся в Казань.

Что заставило его отправиться в Бездну? Только ли одно любопытство или более конкретные цели, собирался ли он быть «подстрекателем» или всего лишь сторонним наблюдателем, успел ли побеседовать с крестьянами и видел ли расстрел Антона Петрова? Все это осталось неизвестным.

Вообще о первых трех десятилетиях его жизни, проведенных в России, мы знаем очень мало. Михаил Константинович Элпидин был сыном дьякона села Никольского Лаишевского уезда Казанской губернии. Родился в 1835 году. Учился в Чистопольском духовном училище, но священником не стал, а поступил на службу в Казанский уездный суд. В 1860 году в чине коллежского регистратора (самого последнего по табели о рангах) вышел в отставку и поступил вольнослушателем в Казанский университет. Вскоре Элпидин уже активный член казанского революционного «Кружка». Здесь он мог не только познакомиться с трудами Чернышевского, но и узнать о нем от его учеников, боготворивших своего учителя «Николая Гавриловича, просветителя нашего», и в первую очередь от Ивана Умнова, бывшего саратовского гимназиста, автора прокламации «Долго давили вас, братцы».

Осенью 1861 года Элпидина за участие в студенческих беспорядках изгоняют из университета и высылают на родину в деревню без права на выезд, а в 1863 году его арестовывают по делу о «Казанском заговоре», участники которого ставили задачу поднять крестьянское восстание в Поволжье, на Дону и на Украине. По приговору военного суда руководители этого заговора были расстреляны. Элпидину инкриминировалось распространение прокламации Умнова «Долго давили вас, братцы». Он был приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком на два с половиной года. Но в 1865 году вместе со своими товарищами Жемановым и Щербаковым ему

удалось бежать из казанского тюремного замка и вскоре он объявился за границей. В ноябре того же 1865 года казанский жандармский полковник Ларионов получил письмо. Писал бывший «подопечный» Ларионова Элпидин. Этот документ, полный издевательской иронии, мы приводим почти полностью.

Милостивый Государь, Григорий Сергеевич!

У меня к вам маленькая просьба, которая, надеюсь, не обременит вашу государственную деятельность. Ваше поместье невдалеке от села Емельянова, где живет моя старушка родительница, которой нужно передать, что ее сын пользуется совершенной свободой и безопасностью от русских цепей.

Не стоит рассказывать, каким образом случился мой отъезд, но скажу причину его. Вам известно, что в последнее время я получал на руки кормовые деньги 30 к., которых хотя было и мало, но все-таки можно было гнить медленно, по-тюремному. По прочтении же приговора, смотритель замка Лебедев вошел с представлением к губернатору о том, что следует ли мне выдавать то же содержание, и получил отрицательный ответ. Лебедев сказал, что теперь, дескать, на общем основании, 4 к. в сутки... Выслушав приговор каторжный, я нисколько не изменил своих потребностей и вкуса. Мне привелось голодать, отчего я и заболел. Слег в больницу, но там оказалось еще хуже. Начали кормить подлейшей овсянкой. Положительно не было сил выносить этой желудочной пытки. Вдруг мелькнула светленькая блеска свободы. Помните слова дикого варвара новейших времен Наполеона I, когда он навестил тюрьму Лафаэта: «Кому темница не ужасна, кому свобода не мила». Да, полковник, и вы также поступили бы. Ни на кого не сержусь я, я все забыл. Ваши действия совершенно оправдывают вашу точку зрения, только выходило у обоих как-то грубо и неизящно. Я смотрел на вас и удивлялся недальновидности... Я навсегда оставил Россию и скоро оставлю Европу. Я еду в Америку. Потрудитесь передать матери, чтобы она извинила меня, если я очень редко буду к ней писать.

Желаю вам всего хорошего, орденов, генеральского чина (а пора бы вам его давно получить) [40].

Бывший арестант, а теперь свободный гражданин Франции Мих. Элпидин.

В Америку Элпидин не поехал, а обосновался в Женеве. Еще в Казани, в подпольной типографии Умнова, он обучался наборному делу. Теперь он занялся этим более фундаментально в типографии Пуки и Пфефер. Некоторое время он работал в типографии Герцена и ходил к нему на революционные вечера. Но разрыв Герцена с молодой эмиграцией вообще привел его и к личному разрыву с Элпидиным. Среди всевозможных идейных групп беспокойному и несколько авантюристическому характеру Элпидина ближе всех оказалась группа Бакунина, с которым они сошлись очень близко. Это, однако, не мешало его благоговейному преклонению перед Чернышевским, которого он называл великим человеком, гением, способным «разбудить, расшевелить заснувшую Россию». Он вынашивал план освобождения Чернышевского, грандиозный и фантастический: захватить в свои руки кого-нибудь из членов царской семьи («птицу из царской крови», как говорил Элпидин), а когда эта «птица» будет в «приличном месте», то можно требовать в первую очередь свободу Чернышевскому, а потом «еще и еще» («да потребуем таким образом, что уж вилять нельзя будет после»).

К Элпидину эмигранты относились двойственно. Многие хорошо видели его неглубокое образование, иронизировали над «элпидинской мудростью», над его манией выискивать царских шпионов даже там, где их не было; многим пре-

тил его внешний вид, растрепанный и неаккуратный, но вместе с тем нельзя было не отдать должного его энергии и организаторским способностям. А. А. Серно-Соловьевич в письме к Огареву, отмечая отрицательные стороны Элпидина, тут же добавляет: «А я все-таки скажу, что Элпидин — человек последовательный и что в нем есть хорошая жилка, есть то, что называется сила»[41].

После разрыва с Герценом Элпидин решает организовать собственную типографию. Раздобыв русский шрифт, он вместе с Мечниковым, Николадзе и Ивановским начинает свое собственное предприятие. Первым крупным делом новой типографии было первое нежурнальное издание романа «Что делать?».

Издание требовало средств. Было решено организовать специальный фонд и обратиться за помощью ко всем заинтересованным как в среде эмиграции, так и в России. Элпидин стал рассылать письма с объявлением об издании сочинений Чернышевского. В Петербурге тайные агенты Элпидина отправляли письма с призывом о помощи прямо по городской почте. Но собрать деньги было не так просто. Среди немногочисленной группы русских эмигрантов мало кто мог оторвать хотя бы малую толику от своих средств. Деньги же из России должны были преодолеть множество преград.

И, несмотря на все трудности, Элпидину удалось в конце концов собрать 874 франка 80 сантимов да еще занять 340 франков. Итого 1214 франков 80 сантимов. Расход намного превысил приход. Набор, бумага, печать, брошюровочные процессы и т. д.—все это обошлось в 1828 фран-

ков 75 сантимов. Почти 614 франков дефицита. «Цифры прихода и расхода, — писали впоследствии издатели, — ясно говорят, что нужно было, как говорится, извертываться, кредитоваться, т. е. влезть в долги». Впоследствии Элпидин опубликовал отчет о полученных и израсходованных деньгах по изданию романа «Что делать?». В отчете указаны все вкладчики — девять человек. Величина вкладов — самая различная. Самый большой — 274 франка, самый маленький — 5 франков. Большинство вкладчиков скрылось за инициалами, шифрами, сокращениями (З***, Н. Ж., Я***. Сер, —х—, РН, 1234) и только две фамилии были напечатаны полностью: от А. Кучука — 151 франк, от А. Серно-Соловьевича — 155 франков.

Александр Александрович Серно-Соловьевич — одна из замечательных личностей русского освободительного движения. Вместе со старшим братом Николаем он участвовал во многих революционных делах 60-х годов: распространял прокламацию «К молодому поколению», налаживал транспортировку зарубежной нелегальной литературы, был одним из организаторов «Земли и Воли».

В 1862 году, когда были арестованы Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич, Александр заочно был предан суду (он лечился за границей) и приговорен к лишению всех прав и изгнанию из России навсегда. За границей он принял активное участие в работе I Интернационала, сблизился с К. Марксом и Ф. Энгельсом, но психическая болезнь, признаки которой проявлялись уже давно, свела его в могилу: в 1869 году он кончил жизнь самоубийством.

М. Элпидин

С Чернышевским он был знаком лично, считал себя его учеником, последователем и был предан ему до самой смерти: «Учитель! Как тебя недостает между нами, каким счастьем почел бы я, если б мне ценою собственной жизни искупить хоть часть страданий, на которые обрекли тебя эти убийцы» [42], — писал он в одной из листовок. Его участие в издании «Что делать?» заключалось не в одной денежной помощи. Об этом писал Н. И. Утин в некрологе А. А. Серно-Соловьевичу, опубликованном в журнале «Народное дело»: «Серно-Соловьевич принял деятельное, инициативное участие в задуманном издании сочинений Н. Г. Чернышевского, и при его помощи был выпущен роман „Что делать?"» [43].

«Что делать?» было напечатано в 1867 году тиражом 1 000 экземпляров.

В предисловии к изданию указывалось, что этой книгой предполагается начать издание первого полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, куда должны войти все опубликованные и неопубликованные произведения писателя. Издание должно было состоять из 12 томов. Быстрота осуществления задуманного плана зависит от отношения к изданию самих читателей. «Не от нас зависит скорость выхода томов, — писали издатели, — она постоянно будет сообразоваться с тем участием, какое примут читатели в нашем издании... Поэтому мы просим читателей помочь нам в этом издании распространением ли выходящих томов, или денежными взносами — все равно». Издатели указывали также, что по рукам ходят непропущенные к печати отрывки и целые статьи Черны-

ЧТО ДѢЛАТЬ?

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ О НОВЫХЪ ЛЮДЯХЪ

РОМАНЪ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО

ИЗДАНІЕ М. ЭЛПИДИНА И КО.

VEVEY
B. BENDA, LIBRAIRE-EDITEUR
[illegible]

1867

Первое (нежурнальное) издание романа «Что делать?»

шевского. «Мы надеемся, — писали они, — что не тот, так другой пришлет их нам, при первом удобном случае, — а таких случаев очень много».

Помощь изданию превращалась таким образом в связь с «политическими изгнанниками», в помощь русским революционерам.

Клятвой звучали слова предисловия: «Мы приступили к этому изданию с твердой решимостью довести его до конца во что бы то ни стало, и остановиться оно ни в коем случае не может до тех пор, пока в самой России не приступлено будет к такому изданию — а этого, покамест, невозможно ожидать» (только после революции 1905 года сын писателя М. Н. Чернышевский получил разрешение на издание первого легального собрания сочинений своего отца).

Действительно, вслед за «Что делать?» в 1868—1872 годах появились пять томов Собрания сочинений Чернышевского. Здесь были перепечатаны его литературно-критические статьи (тома 1—2), «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии по Миллю» (тома 3—4) и статьи об общинном владении землей (том 5).

ЯЗЫКОМ РАПОРТА И ДОНОСА

Ссылающие Чернышевского — вымирают; бросающие (ему) цветы — нарождаются.

Н. А. Серно-Соловьевич.

(Письмо из тюрьмы брату Александру). Н. А. Серно-Соловьевич. Публицистика. Письма. 1963, стр. 269.

В этой главе пусть говорят документы. О значении романа «Что делать?», о популярности произведения и его автора среди передовой молодежи, о распространении идей Чернышевского пусть расскажут те, «кому и карты в руки», кто следил и выслеживал. Это будет рассказ о тщетности усилий обреченного в борьбе с передовым.

* * *

Не прошло и года после выхода романа, а в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания была уже составлена бумага, «разоблачавшая» «злокозни» «Современника», его сотрудников и в частности Н. Г. Чернышевского, автора романа «Что делать?». Опубликование этого романа особенно инкриминировалось журналу.

«...Со времени же ряда преобразований, открытых в 1857 г. распоряжениями по устройству быта крестьян.., „Современник" в отделе серьезных статей начал

впадать в целый ряд утопий, в отделе современной летописи и политики — наполняться статьями дилетантического свойства, а в отделе легкой, шутливой литературы — относиться очень легкомысленно и цинически ко всем сторонам общественного организма нашего. Направление это в 1862 г., под редакцией г. Чернышевского, при сотрудничестве г. Добролюбова и других, достигло той степени, что журнал „Современник" был приостановлен по распоряжению правительства на восемь месяцев. В прошедшем же 1863 г. внутренние исключительные события остались без влияния на „Современник", ...главный интерес сосредоточен был на вопросах социального свойства, на отвлеченных политических и экономических теориях. Направление это выразилось в таких произведениях, как, например: «Что делать?» — роман г. Чернышевского...

Во всех почти статьях этого журнала и по всем отделам его пробивалось впрочем и в минувшем году нетерпеливое желание высказать больше того, что высказано...

О направлении и содержании главных периодических изданий в 1863 г. Фонд Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания. Опубликовано в книге «Шестидесятые годы», М.-Л., 1940, стр. 386—387.

* * *

А тайные агенты III отделения тем временем сообщали о популярности «государственного преступника» Чернышевского. Нижеследующее агентурное донесение составлено 14 мая 1864 года, т. е. за пять дней до гражданской казни Чернышевского.

«...Книгопродавец Штукин говорил мне, что в настоящее время фотографические карточки Чернышевского идут до того сильно, что он один продает до 100 штук в неделю...»

Фонд III отделения. Секретный архив. ЦГАОР, фонд 109, опись 1, № 248.

Наученные «горьким опытом», пропустив в печать «Что делать?», царские чиновники приняли все меры, чтобы по возможности «ослабить» влияние этого романа на молодежь. С этой целью была усилена бдительность по отношению к сочувственным критическим разборам произведения. И, конечно, в первую очередь, в поле зрения начальства попал Д. И. Писарев.

В это время он, как и Чернышевский, находился в Петропавловской крепости. Только не в Алексеевском равелине, а в Екатерининской куртине. Им была написана статья «Мысли о русских романах», в основном посвященная анализу произведения Чернышевского. По поводу этой статьи 7 ноября 1863 года петербургский генерал-губернатор Суворов обратился к министру внутренних дел Валуеву с секретным письмом.

«...В прошлом месяце препровождена была мною в Правительствующий Сенат статья Писарева „Мысли о русских романах". ...сочинение это содержит в себе по преимуществу разбор романа литератора Чернышевского „Что делать?" и преисполненное похвал этому литературному произведению, с подробным развитием заключающихся в нем материалистических воззрений и социальных идей, по мнению Сената в случае напечатания оного, может иметь вредное влияние на молодое поколение, проникнутое этими идеями...»

«Лит. наследство», № 25—26, стр. 679.

30 ноября министр Валуев наложил резолюцию: «Статью запретить». Статья была запрещена.

* * *

Но мало не пропустить статью, анализирующую роман. Необходимо как-то оградить

молодежь от влияния самого романа. С этой целью директорам гимназий некоторых учебных округов в 1864—1865 учебном году рассылался циркуляр, в котором говорилось:

«...я нахожу крайне неуместным чтение учениками и разбор с ними в классе таких романов, как „Что делать?" Чернышевского.., а равно и выписку для них рядом с детскими журналами „Современника".

...Школа, обязанная обогащать умственные способности фактическими знаниями и понятиями о долге и истине, отнюдь не должна не только возбуждать, но и поддерживать в учащейся молодежи настроения, состоящего в изыскании общественных недугов. Молодежь и без постороннего содействия живее чувствует всякую неправду; нам надлежит успокаивать ее и отстранять всякие поводы к направлению ее впечатлительности в такую сторону, где она кроме чувства горечи, не вынесет для своей будущности ничего полезного».

Циркуляр по управлению одесского учебного округа 1864, октябрь. Перепечатано в Циркуляре по Московскому учебному округу. 1865, январь.

См. Ученые записки Саратовского государственного пед. ин-та, вып. 3. Труды ф-та яз. и лит-ры. Саратов, 1938; стр. 220—221.

* * *

Циркуляр не помог. Об этом свидетельствовал реакционный профессор П. Цитович, который спустя пятнадцать лет, в 1879 году, писал:

«За 16 лет пребывания в Университете мне не удавалось встретить студента, который бы не прочел знаменитого романа еще в гимназии; а гимназистка 5—6 класса считалась бы дурой, если б не ознакомилась с похождениями Веры Павловны».

П. Цитович. Что делали в романе «Что делать?», Одесса, 1879, стр. V.

* * *

О влиянии Чернышевского на молодежь особенно сильно заговорили в 1866 году в связи с процессом Д. Каракозова, совершившего покушение на Александра II. Был раскрыт подпольный революционный кружок, членом которого был Каракозов. Возглавлял кружок Николай Ишутин. Ишутинцы ставили своей целью «экономический переворот». Для этого они пытались организовать артели и ассоциации, подобные мастерской Веры Павловны.

Выяснилось, что ишутинцы, считавшие себя верными последователями Чернышевского, строили планы по организации побега своего учителя. Глава Следственной комиссии Муравьев-вешатель даже требовал, чтобы был вызван из Сибири и привезен на процесс сам Чернышевский. Этого не сделали, но в Приговоре Верховного Уголовного суда упомянули и крамольного писателя и его роман.

«Судебным следствием обнаружено, что еще в 1863 году составился в Москве кружок из молодых людей, зараженных социалистическими идеями; впоследствии эти люди начали делать усилия для распространения и осуществления своих идей на практике; с этой целью они начали устраивать школы и различные ассоциации, как-то: переплетное заведение, швейную, основали общества переводчиков и переводчиц и взаимного вспомоществования; старались для применения своих теорий приобрести ваточную фабрику в Можайском уезде и устроить завод в Жиздринском уезде, на социальном начале, для рабочих Мальцевского завода; некоторые из сих заведений и обществ были уже учреждены без разрешения правительства, а некоторые были, кроме того, направлены к явно преступным целям; так, например, в одной школе (Мусатовского), открытой даже с разрешения правительства, преподавание различных предметов клонилось к очевидному возбуждению против верховной власти. Затем... они

стали собираться на сходки, обсуждать различные вопросы и предположения.., при этом некоторыми из участвовавших в упомянутых сходках были заявляемы цели и предлагаемы средства самые безнравственные, самые преступные: в числе целей заявлялись не только экономический переворот посредством устной и письменной пропаганды, но и социальная революция, дележ собственности и переворот государственный насильственными мерами; в числе средств предлагались обворование купца через подставного служителя, ограбление почты, заведение тайной типографии, освобождение из каторжных работ государственного преступника Чернышевского для руководства предполагавшеюся революцией и для издания журнала, так как роман этого преступника „Что делать" имел на многих из подсудимых самое гибельное влияние, возбудив в них нелепые противообщественные идеи...».

Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др. Т. II, М.-Л., 1930, стр. 345—346.

* * *

Выход в свет произведений Чернышевского в издательстве Элпидина заставил царские власти выразить как-то свое отношение к этим изданиям. Заняться этим вопросом должен был Комитет, которому вменялось в обязанность разрешать или не разрешать ввоз той или иной книги из-за границы.

26 июня 1868 года в ответ на запрос этого комитета было написано следующее отношение:

«Возвращая препровожденный при отношении за № 539 первый том „Сочинений Чернышевского". СПб., цензурный комитет имеет честь уведомить Комитет цензуры иностранной, что независимо от содержания книги, в виду имеющихся прецедентов, Комитет не признает вообще возможным дозволять к обращению в публике сочинения политических преступников».

30 сентября чиновник рижского комитета К. А. Александров рапортовал о задержанной им книге.

«„Что делать?" Из рассказов о новых людях. Роман Н. Г. Чернышевского. Издание М. Элпидина и К-о, Vevey, B. Benda, libraire-éditeur, 1867, VI и 477 стр.

Это сочинение вновь напечатано в том самом виде, как оно было помещено в „Современнике" за 1863 г... ...я полагаю, что для пользы публики, читающей романы, едва ли не лучше будет запретить его для продажи».

На рапорте — резолюция председателя Комитета: «Запретить для публики».

Так были защищены интересы «публики, читающей романы».

* * *

В 1876 году женевское издание романа было занесено в официальный проскрипционный список: «Алфавитный каталог книгам на русском языке, запрещенным к обращению и перепечатыванию в России по 1 июля 1876 г. Спб, типография Министерства внутренних дел, 1876».

* * *

Несмотря на бдительность стоящих на страже интересов «публики, читающей романы», «Что делать?» провозили через границу, читали и перечитывали. Интерес молодежи к произведениям Чернышевского не ослабевал. Их читали вслух на студенческих и гимназических сходках и не просто читали, а изучали. С этого начинались многие революционные кружки. Об этом доносили жандармы.

«Вследствие нижеследующих сведений, полученных сегодня, не считаем себя в праве умолчать о деле, которое уже несколько времени составляет предмет специально учрежденного наблюдения и тщательных разведок. То, что прежде обозначалось общим именем „Молодая Россия", приняло более определительное название „Университетской партии" и придало себе правильную организацию, основанную на начале „кружкования". В настоящее время Университетская партия в одном Петербурге состоит из более ста кружков; в каждом кружке находится 10 членов и один начальник...

К Университетской партии принадлежат студенты университета, Медико-хирургической академии, Технологического института, Земледельческого института, офицеры Генерального штаба, артиллерии и др., учителя некоторых гимназий и посторонние лица. Женщины, конечно тоже участвуют... Партией решено посылать ежегодно несколько лиц за границу для личных сношений с тамошними эмигрантами и для привоза оттуда возмутительных сочинений и запрещенных бумаг... Партия имеет постоянные сношения со всеми университетами.

В настоящее время кружки особенно заняты чтением сочинений Чернышевского и обсуждением проводимой им революционной идеи».

30 ноября 1870 года.
Агентурное донесение. III отделение Собственной его императорского величества канцелярии. Секретный архив. ЦГАОР, фонд 109, опись 1, № 1063.

* * *

Следующий документ — донос. Донос классический по своей форме: высокопарно-торжественный вначале, подписанный псевдонимом в конце, безграмотный и неинтеллигентный. Главным аргументом подозрительности поведения, «нигелизма и безбожия» является и в этом доносе чтение романа Чернышевского «Что де-

лать?» (мы не будем воспроизводить орфографию автора доноса, — это очень затруднило бы чтение).

«Из любви к богу, государю, отечеству и законам его. Довожу до сведения правительства. О нижеследующем. Здесь два года назад открыта библиотека с кабинетом для чтения чиновником Контрольной Палаты Шербаком и товарищем его отставным артиллерийским офицером Богдановым, а также вдовой бывшего директора банка Ширмер и женой отставного профессора Федотова-Чековского, наложницей доктора Алферова, к этой же компании принадлежат много членов: в канцеляриях генерал-губернатора и губернатора, братья и родные вышепрописанных лиц: а также некоторые чиновники Казенной палаты, Контрольной палаты и в конторе Государственного Коммерческого банка и других местах.
Оная библиотека сильно развивает нигилизм и безбожие. Они имеют несколько экземпляров книги „Что делать", соч. Чернышевского. Предлагают оную книгу для прочтения каждому читателю, в таком же виде и с такими идеями будет открыта вскоре товарищем вышепрописанных лиц отставным саперным офицером Намбриным библиотека с кабинетом для чтения; у всех поименованных особ большие связи с чиновниками всех киевских ведомств; а потому прошу не поручать оного дела для расследования здешним служащим, в противном случае все будет скрыто, оные библиотеки постоянно снабжаются книгами и проч. из книжных магазинов Москвы и СПБ Черкесова, не худо если бы произвели обыск на квартирах у м.м. Ширмер и Федотовой; и гг. Богдановых, Щербаковых, может быть нашли еще больше зловредного для правительства и здешнего края, чем я знаю.

Правдин.

Киев, 1870 года, генваря 10 дня. ЦГАОР, фонд 109, опись 1, № 412

Киевские жандармы постарались познакомиться с этим делом поближе. Вскоре начальник киевского жандармского управления уже рапортовал Управляющему III отделением:

«Книжный магазин и при нем читальня были учреждены Богдановым не без тайной политической цели; есть основание думать, что он замышлял сделать свой магазин агентством для безопасных сношений учащейся молодежи высших учебных заведений и местом секретных совещаний. Предположение это подтверждается отчасти тем обстоятельством, что заведение Богданова посещается преимущественно студентами и академиками и что компанионы Богданова по книжной торговле отличаются своею крайнею неблагонадежностию в политическом и нравственном отношении. Осуществление планов Богданова не состоялось только по случаю тяжкой болезни... постигшей его в прошлом году. Сперва он заболел тифом, а потом у него развилась в сильной степени бугорчатая чахотка. Теперь Богданов находится в отчаянном положении и не подает никакой надежды на воздоровление».

Там же

Несмотря на болезнь Богданова, у него и его близких были произведены обыски, которые, однако, не привели ни к каким результатам: «предосудительного в политическом отношении» ничего не нашли. Жандармы это объясняли следующим образом:

«Товарищи Богданова отзываются об нем как о человеке весьма скрытном и осторожном, а потому надо полагать, что он уничтожил все документы, компрометирующие как его, так и его сообщников, убедившись, что жизнь его подверглась опасности и что к выздоровлению не осталось никакой надежды».

Там же

Все приведенные документы показывают, что в Киеве хотели организовать книжный магазин и библиотеку-читальню, подобные тем, что были организованы Н. А. Серно-Соловьевичем. Душой этого дела был отставной артиллерийский офицер Дмитрий Алексеевич Богданов. В воспоминаниях одного из участников револю-

ционных кружков 60-х годов М. П. Сажина, рассказывающего о влиянии идей Чернышевского на молодежь, имеется упоминание об артиллеристе Богданове: «В Петербурге в середине 60-х годов среди офицеров, преимущественно артиллеристов, образовался кружок „чернышевцев", куда входил и я. Из членов этого кружка я сейчас припоминаю офицеров-артиллеристов: Богданова, братьев Черновых...» [44] и т. д. Известно, что этот Богданов участвовал в студенческих волнениях, был арестован 27 сентября 1861 года и предан военному суду. Дальнейшая судьба его неизвестна, как неизвестны и его инициалы. Не являются ли киевский отставной артиллерист Д. А. Богданов и артиллерист Богданов-«чернышевец» одним и тем же лицом? Весьма вероятно, что Дмитрий Алексеевич Богданов, человек в свое время близкий к Чернышевскому, попытался в конце 60-х годов снова создать революционную группу, уже в Киеве. Смерть помешала ему довести задуманное дело до конца и «спасла» от тюрьмы.

Обращает на себя внимание деталь, характерная для всех учеников Чернышевского — высокая техника конспирации. Отсюда разочарование жандармов: «Обыски... не привели ни к каким результатам... в бумагах... не оказалось ничего предосудительного в политическом отношении».

* * *

Срок каторжных работ Чернышевского заканчивался 10 августа 1870 года. Он рассчитывал перебраться поближе к России. «Устроюсь где-нибудь в Иркутске или около Иркутска и буду уже иметь возможность работать по-

прежнему», — писал он жене. Но именно этого больше всего боялось правительство: что он начнет работать п о-п р е ж н е м у.

12 августа генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков обратился к шефу жандармов графу Шувалову:

«Срок работ Чернышевского кончился 10 августа. Закон требует отправить его на поселение... Если будет свободен, отвечать за целость нельзя. Как поступить?»

Шувалов обратился с тем же вопросом к Александру II, представив ему «всеподданнейший доклад». В докладе снова рисовалось политическое лицо преступника и его преступления против существующего строя.

«Сочинения его, в существе своем разрушающие нравственные начала гражданского нашего быта, вскоре же доставили ему известность, в особенности в кругу молодежи, и образовали около него толпу последователей, из коих весьма многие стали осуществлять социальные его идеи на практике, и отсюда образовалась у нас целая партия так называемых нигилистов и нигилисток».

Шувалов показывал, что и после ареста Чернышевский продолжал оставаться опасным.

«Печатаемые в Женеве сочинения Чернышевского распространяются и ныне тайным образом его клевретами».

Не был забыт и роман «Что делать?», который теперь стал веским доказательством того, что преступник не раскаялся.

«Он не изменил социальных своих убеждений и после обнаружения правительством преступной его деятельности. Содержась уже в крепости, он написал роман „Что делать", в котором еще с большею смелостью и ясностью развил проповедуемые им безнравственные начала гражданского и социального быта».

Дальше говорилось о «вредном влиянии Чернышевского на его последователей и сочувствии их к нему», которые «не устранились и после удаления его из среды общества и осуждения его как государственного преступника». Здесь все припомнил Шувалов: и то, что нашлись «лица, которые по окончании суда над ним обратились с просьбами о помиловании его, называя его невинным страдальцем, а его убеждения — образцом современной мудрости», и цветы, брошенные Чернышевскому на эшафот во время гражданской казни, и огромный спрос на его фотографические портреты.

«Каждый раз, когда правительство обнаруживало государственные преступления или вредные политические кружки, было заметно, что источником тех и других служили агитаторская деятельность Чернышевского и идеи, развитые в его сочинениях».

Вывод напрашивался сам собой.

«Принимая во внимание как вышеизложенное, так равно и заявление самого генерал-губернатора Восточной Сибири насчет возможности побега Чернышевского при обращении его на поселение, я со своей стороны освобождение его из тюремного замка нахожу неудобным».

Царь наложил резолюцию: «Исполнить согласно с соображением» [45].

Тогда было совершено новое преступление царского правительства. По окончании срока каторжных работ, вместо поселения Чернышевский в 1871 году был переведен в Вилюйский острог.

Но в одном жандарм был, несомненно, прав. Каторга и ссылка «не устранили» влияния Чернышевского на общество. С годами оно только крепло, росло и ширилось.

«ЧТО ДЕЛАТЬ?», ЖЕНЕВА, 1876

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

А. С. Пушкин.

В 1876 году М. Элпидин выпустил новое, второе издание «Что делать?». На этот раз роману была предпослана большая статья (на двадцати восьми страницах): «Суд над Чернышевским».

В заметке «От издателей» Элпидин писал: «Благодаря осадному положению, в котором император Александр II держит Россию, публика не только не знакома с биографией своего писателя Чернышевского, сосланного в каторжную работу в 1864 г., она даже не знает того официального подлога, который называется „приговором" Сената и Государственного совета.

Все, что можно было собрать о Чернышевском, мы помещаем в настоящем издании».

В основу этой публикации легли материалы, уже напечатанные в «Колоколе» (№ 189, 190, 193), и дополнительные известия о дальнейшей судьбе Чернышевского. В статье сообщалось, что по окончании срока каторжных работ он был переведен в Вилюйск и поселен в остроге.

СУДЪ

НАДЪ ЧЕРНЫШЕВСКИМЪ

и

ЧТО ДѢЛАТЬ?

РОМАНЪ

НАПИСАННЫЙ ИМЪ ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ
1862—1863

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ Михаила ЭЛПИДИНА

GENEVE — BALE — LYON
H. GEORG LIBRAIRE EDITEUR

1876

Второе издание романа «Что делать?»

Статья заканчивалась призывом попытаться освободить Чернышевского «со взломом», не дожидаясь пока «кто-нибудь из царственных особ» окажет Чернышевскому «высочайшую милость», амнистируя его или облегчив ему участь. «Терпеть „милости", — говорилось в заключении, — такое же преступление, как допускать государственные подлоги, умиляться черным преступлениям царствования Александра II».

Автору этих заключительных строк не было тогда известно, что за два года до выхода в свет второго издания романа, Чернышевский отказался от подачи прошения о помиловании.

И через 10 лет он не уронил себя «со стороны бодрости характера». Он не желал «терпеть милости» царского правительства.

В 1874 году генерал-губернатор Синельников получил из Петербурга бумагу, в которой говорилось, что если государственный преступник Чернышевский подаст прошение о помиловании, то он может надеяться на освобождение его из Вилюйска, а со временем и на возвращение на родину. Переговорить с Чернышевским, обрадовать его возможностью облегчения его участи был отправлен адъютант генерал-губернатора Винников.

Разговор их произошел недалеко от острога, на берегу небольшого озера. Чернышевский в сером халате с непокрытой головой сидел на скамеечке лицом к воде. Винников подошел и представился.

— Всем ли вы довольны? Не имеете ли претензий?

Чернышевский поднялся, посмотрел сквозь

очки на своего посетителя, потом на себя и ответил:

— Благодарю вас! Кажется, всем доволен и претензий не имею.

Винников просил его присесть для разговора «по одному важному обстоятельству». Чернышевский сел и приготовился слушать, невозмутимо поглядывая на своего собеседника и не выказывая к нему никакого особого интереса. Чиновник приступил сразу к сути дела и протянул ему бумагу из Петербурга.

Чернышевский прочел, подержал бумагу в руке может быть с минуту и возвратил обратно.

— Благодарю, — сказал он вставая. — Но видите ли, в чем же я должен просить помилования?! Это вопрос... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, — а об этом разве можно просить помилования?! Благодарю вас за труды... От подачи прошения я положительно отказываюсь.

(«По правде сказать, — вспоминал Винников, — я растерялся и, пожалуй, минуты три стоял настоящим болваном.»).

— Так значит, отказываетесь, Николай Гаврилович?!

— Положительно отказываюсь.

И по просьбе чиновника он написал на бумаге: «Читал, от подачи прошения отказываюсь. Николай Чернышевский».

Царское правительство разрешило Чернышевскому переехать из Сибири в Астрахань только в 1883 году. В родной Саратов он смог вернуться лишь в 1889 году — за четыре месяца до смерти.

НАСЛЕДНИК

Теперь же мы хотим лишь указать, что ***роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.*** *А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...*

В. И. Ленин. Что делать?

1888 год. В Астрахани живет свои последние месяцы политический ссыльный Н. Г. Чернышевский. В Кокушкине — в самом начале революционного пути политический ссыльный Владимир Ульянов. В свои восемнадцать лет он уже «бывший» студент. За участие в студенческих «беспорядках» его исключили из Казанского университета и выслали сюда — в Кокушкино. Может, подумает на досуге, образумится. Он думает много, очень много, хотя досуга и не получилось. Несмотря ни на что, Ульянов готовится сдать экзамены за полный университетский курс. Приходится подолгу ежедневно заниматься. Он очень много читает, но не только то, что требуется по программе, много читает и такого, что по программе не требуется, точнее, требуется **не** читать. И в первую очередь, Чернышевского. Роман «Что делать?». Он познакомился с этой книгой еще в детстве. На четырнадцатилетнего маль-

чика она не произвела большого впечатления. Но теперь, вспомнив, что это была любимая книга старшего брата, казненного несколько месяцев назад, он снова обратился к ней. Здесь в Кокушкине произведение Чернышевского открылось ему по-новому. («Он меня всего глубоко перепахал», — вспомнит В. И. Ленин через 15 лет.) Он не просто читает, а изучает «Что делать?», в течение нескольких недель, с карандашом в руке, снова и снова возвращаясь к одному и тому же месту (позже Надежду Константиновну Крупскую поражало ленинское знание текста: «Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил»).

Перечитав все журнальные статьи Чернышевского, юноша жаждал более близкого общения с любимым писателем. Он даже послал ему письмо и очень огорчился, не получив ответа. А вскоре, примерно через год, до него дошла весть о смерти старого революционера.

Чернышевский утвердил юношу в выборе: путь революционера — единственно правильный и возможный для него путь. Как и автор романа «Что делать?», Владимир Ульянов уверен, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером (впоследствии Ленин скажет о романе: «Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь»).

Но заслугу Чернышевского он видел не только в этом. Еще более важно то, что писатель показал, каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как

он должен идти к своей цели, какими способами и средствами добиваться ее осуществления. Революции необходимы Рахметовы, такие же непоколебимые и целеустремленные, такие же мужественные, с такой же силой воли и с такой же энергией. Нужны Рахметовы, готовые ради дела революции на самопожертвование, на любое испытание, на любой подвиг. Нужны Рахметовы, нужны революционеры-профессионалы. Чернышевский знал только «восемь образцов этой породы». Нужны сотни, тысячи, нужна партия. Партия из Рахметовых.

Создание такой партии стало делом его жизни.

Пройдет десять лет, юноша превратится в закаленного бойца и заявит, что он принимает наследство шестидесятников, имея в виду в первую очередь именно Н. Г. Чернышевского. Он объявит себя верным хранителем наследства.

Но «хранить наследство — вовсе не значит ограничиваться наследством». Будущий создатель и вождь партии большевиков, В. И. Ленин пойдет намного дальше своего предшественника, революционного демократа, автора романа «Что делать?». Он увидит ту силу, которая сумеет превратить мечты в действительность. Эта сила — рабочий класс. Он даст в руки этой силе самое мощное оружие, партию из профессиональных революционеров.

И Россия услыхала молодой, но крепкий и мужественный голос: «...за работу же, товарищи! Не будем терять дорогого времени! Русским социал-демократам предстоит масса дела по удовлетворению запросов пробуждающегося пролетариата, по организации рабочего движе-

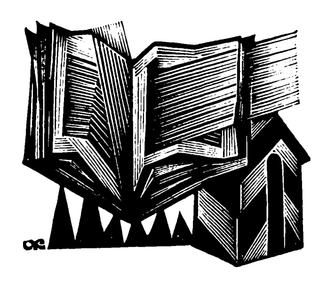
ния, по укреплению революционных групп и их взаимной связи, по снабжению рабочих пропагандистской и агитационной литературой, по объединению разбросанных по всем концам России рабочих кружков и социал-демократических групп в единую социал-демократическую рабочую партию!».

Пройдет еще 5 лет, и В. И. Ленин напишет книгу, в которой он разработает основы учения о партии нового типа, партии пролетарской революции. И книгу свою он озаглавит так же, как Чернышевский свою: «Что делать?»

Поколению Ленина было суждено редкое счастье — увидеть плоды своей работы.

Первое рабоче-крестьянское правительство свято чтило память тех, кто своей деятельностью подготовлял революцию, и в «Списке лиц, коим предположено поставить монументы...» не было забыто и славное имя Н. Г. Чернышевского.

Под этим документом стояла подпись председателя Совнаркома В. И. Ульянова-Ленина.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Рапорты Потапова, Ракеева, Сорокина опубликованы в кн.: «Процесс Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1939, стр. 40—42.

[2] Эти эпизоды приведены в воспоминаниях Н. Г. Чернышевского «Из автобиографии», написанных им в Петропавловской крепости. Полн. собр. соч. Т. 1, стр. 569—570, 578—579, 663, 671.

[3] Все письма Н. Г. Чернышевского цитируются по Полн. собр. соч. Т. XIV, М., 1949.

[4] В тот период Чернышевский вел записи, впоследствии озаглавленные им «Дневник моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье». Т. 1, стр. 410—549.

[5] «Процесс Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1939, стр. 80.

[6] Там же, стр. 74.

[7] Письма Е. Н. Пыпиной опубликованы в ст.: Н. М. Чернышевская-Быстрова «Чернышевский в Алексеевском равелине». — Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, материалы, исследования. Саратов, 1928.

[8] См. воспоминания Н. Я. Николадзе. — «Каторга и ссылка», 1927, № 34, стр. 32.

[9] Письмо И. Огрызко опубликовано в кн.: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. М., 1962, стр. 392.

[10] «Литературное наследство». Т. 67, стр. 739.

[11] Н. В. Шелгунов. Из прошлого и настоящего. Собр. соч. Изд. 3-е. Т. II, СПб., б. г., стр. 711. Сам Шелгунов тоже был переводчиком «Всемирной истории». Во время его ареста жандармы заинтересовались рукописью его перевода (т. XII), главой о «Крестьянских войнах», и Шелгунову пришлось давать объяснения: «О крестьянских войнах пишет Шлоссер, а я только перевожу XII том его „Всемирной истории", едва ли имеющей отношение к моему делу» (там же, стр. 689.)

[12] М. Н. Гернет. История царской тюрьмы. Т. I. М., 1960, стр. 168.

[13] П. Е. Щеголев. Алексеевский равелин. М., 1929, стр. 379.

[14] Там же, стр. 38—39.

[15] Н. Г. Чернышевский. Т. IV, стр. 64.

[16] Там же, т. X, стр. 265.

[17] Там же, т. I, стр. 633.

[18] Там же, стр. 66.

[19] Там же, т. XIV, стр. 2.

[20] Там же, т. I, стр. 551.

[21] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Саратов, 1965, стр. 211.

[22] Цитата о «вредном» направлении «Современника» взята из письма министра внутренних дел П. А. Валуева министру народного просвещения А. В. Головину от 2 июля 1862 г. — В кн.: Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, стр. 259.

[23] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. Т. XII. М., 1953.

[24] В. А. Алексеев. К истории журнала «Современник». — «Русская литература». Ученые записки ЛГУ, № 200, филол. фак-т. Серия филол. наук. Вып. 5. Л., 1955, стр. 238—239.

[25] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. 1962, стр. 294.

[26] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. Т. XI. М., 1952, стр. 28.

[27] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. 1962, стр. 292.

[28] Н. Г. Чернышевский. Т. XIV. М., 1949.

[29] Мих. Лемке. Политические процессы в России 1860-х гг. М.—Л., 1923, стр. 184.

[30] Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем. Т. X. М., 1952, стр. 186.

[31] Н. Г. Чернышевский. Т. XIV. М., 1949, стр. 479—480.

[32] Там же, стр. 348.

[33] Там же. Т. I. М., стр. 732.

[34] А. Я. Панаева (Головачева). Воспоминания. М., 1956, стр. 183.

[35] «Каторга и ссылка», 1928, № 7, стр. 44—50.

[36] «Северная почта» от 24 июля 1863 г., № 163.

[37] «Литературное наследство», № 51/52, стр. 110.

[38] «Огонек», 1951, № 39, стр. 24.

[39] Бездненское восстание 1861 года. Сб. документов. Сост. А. И. Согалов, Г. Н. Вульфсон. Казань, Татгосиздат, 1948, стр. 33—35.

[40] Б. П. Козьмин. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М., 1929, стр. 34—35.

[41] «Литературное наследство», № 62, стр. 550.

[42] «Литературное наследство», № 67, стр. 712.

[43] Там же, стр. 728.

[44] М. П. Сажин. Воспоминания. М., 1925, стр. 23.

[45] См. ст.: М. Н. Чернышевский «Чернышевский в Вилюйске». — «Былое», 1924, № 25, стр. 37—41.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Смолицкий Виктор Гершонович

ИЗ РАВЕЛИНА

Редактор *В. Ф. Ларина*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Художник *А. И. Калашников*
Технический редактор *Е. И. Полякова*
Корректор *Ю. В. Пеликан*

А-11553. Сдано в набор 23/IV 1968 г. Подписано в печать 6/XI 1968 г. Формат бум. 70×90 1/32. Типографская № 2. Усл. печ. л. 5,27. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 42000 экз. Заказ № 381.

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Типография № 24 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР Москва, Г-19, ул. Маркса — Энгельса, 14.

Цена 20 коп.

20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»